

НОВАЯ
ЗВЕЗДА
иронического
детектива

Тяпа Иванова

Елена Логунова

Круговорот парней в природе

«ЭКСМО»

2007

Логунова Е. И.

Круговорот парней в природе / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2007 — (Тяпа Иванова)

И принесло же делегацию японцев в Россию зимой! Из-за снегопада автобус интуристов застрял в горах, и пришлось сопровождающей группу Тане устраивать их в захолустной гостинице. Все бы ничего, но один из японцев вдруг чудесным образом нашелся в городе, откуда они уехали! Таня всю голову сломала — неужели какой-то самурай раздвоился? Тут подоспели новости о том, что ограблен ювелирный магазин, и подозревается в преступлении бандит-азиат по прозвищу Чукча. Так это он маскируется под добропорядочного японца? Значит, и похищенные драгоценности где-то рядом?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	22
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Елена Логунова

Круговорот парней в природе

Глава 1

Морозный февральский денек был просто создан для ограбления!

Утром термометр показывал минус восемь – по меркам южного города это был лютый холод. Охранник ювелирного магазина «Золотой дворец», в хорошую погоду имеющий обыкновение торчать у входа и плятиться сквозь витринное стекло на короткие юбки гуляющих по улице девчонок, переместился в глубь торгового зала, поближе к обогревателю, который продавщицы, не по погоде одетые в форменные брючки и рубашечки из тонкой ткани, установили за прилавком. В тепле охранника слегка разморило, и он даже не шевельнулся, когда из глубины магазина один за другим вышли двое мужчин в добротных шерстяных пальто. Первый из них, более молодой и крепкий, на ходу иронично покосился на разомлевшего охранника и пошутил:

– Не спи, замерзнешь!

– Сам не спи! – лениво огрызнулся тот, не меняя расслабленной позы.

На вверенной ему территории все было в полном порядке. Три девочки-продавщицы дисциплинированно стояли на местах, каждая на своей стороне протяженного П-образного прилавка. Кассирша скучала в кабинке, читая конспиративно спрятанный под столом любовный роман и время от времени выжидательно поглядывая на единственного потенциального клиента. Рослый юнец в теплой спортивной куртке и смешных клетчатых штанах, перекладывая из одной руки в другую потрепанный тубус для чертежей и пряча прышавый подбородок в витках длинного вязаного шарфа, сосредоточенно рассматривал витрину с простенькими золотыми подвесками. Это были самые дешевые украшения в магазине, да и по внешнему виду клиента опытные продавщицы вмиг определили, что он не тянет на наследного принца. Юноша уже с полчаса гипнотизировал вожделеющим взглядом микроскопического золотого слоника, но тот до сих пор не ответил ему взаимностью, и как-то непохоже было, что счастливое обретение декоративного хоботного все-таки состоится.

Двое в пальто гуськом прошли через торговый зал. На выходе тот, который шел первым, придержал тяжелую дверь, пропуская на крыльце своего спутника. У него в левой руке был чемоданчик, небольшой, но увесистый: это было заметно по тому, что мужчина слегка кренился на левый бок. Следом за этими двумя из магазина вышел и юнец, видимо, окончательно потерявший желание стать обладателем ювелирного украшения.

Двое в пальто едва успели сойти с крыльца, направляясь к «Пежо», припаркованному у магазина, когда полугрузовой «бычок», торчавший чуть впереди, у салона модной одежды, внезапно дал задний ход и со всего маху впечатался в передний бампер иномарки. При этом из кузова «бычка» на капот «Пежо» посыпались картонные коробки. Мужчина с чемоданчиком возмущенно вскрикнул, его более молодой спутник выматерился и быстро сунул руку за борт своего пальто. В следующий миг юнец в клетчатых штанах с размаху ударил его по затылку бейсбольной битой, выдернутой из чертежного тубуса. Девочки за бронированным стеклом ювелирного салона дружно завизжали, охранник вскочил со стула и устремился к выходу, на бегу цапая рукой кобуру. Юнец, как штыком, саданул второго мужчину битой в живот, подхватил падающий чемоданчик и запрыгнул в кузов «бычка», совершенно скрывшись за грудой коробок. Машина рванула с места и с визгом, кренясь набок и рассыпая по дороге гофротару, скрылась за углом.

Охранник, выскочивший из магазина с пистолетом наголо, увидел только разбросанные коробки. Кувыркаясь, одна из них весело проскакала по дороге и замерла напротив крыльца.

– Живой? – бессмысленно взмахнув пистолетом, срывающимся голосом спросил охранник мужчину без чемоданчика.

Тот скрчился на тротуаре, держась руками за живот и плаксиво ругаясь.

– Га-ады… Вот гады! – сдавленно повторял он.

Второй мужчина лежал без движения и не говорил ничего. Под его головой на заинде-велом асфальте все шире расплывалось алое пятно, а на ворсинки шерстяного пальто одна за другой нанизывались красивые крупные снежинки.

Было позднее утро традиционно тяжелого дня – понедельника, – десять часов тридцать две минуты.

Глава 2

Как обычно, трапезничать мы начали задолго до официального обеденного перерыва.

Я опять не успела позавтракать дома, потому что безответственно проспала сигнал будильника и едва не опоздала на работу, чего делать было никак нельзя: у нас на входе стоит автоматическая система контроля прибытия-убытия, и за такое грубое нарушение трудовой дисциплины, как опоздание к началу рабочего дня, суровое начальство карает подчиненных лишением квартальной премии. Так что альтернатива у меня была простая: либо я в спешке пропускаю один-единственный завтрак, либо опаздываю на работу, лишаюсь премии и из-за нехватки средств потом вынужденна голодаю три месяца кряду.

Танечка наша вообще с утра ничего не ест, она толком просыпается уже за офисным столом только после того, как на полном автопилоте польет любимую гортензию, накрасит глазки и примет первый телефонный звонок. А вот Татьяна Петровна, будучи дамой в высшей степени рассудительной и основательной, вкушает утренний чай-кофе с булочкой и дома, и на работе. По ее мнению, никогда нельзя упускать возможность подкрепить свои силы, дабы всегда было, что положить на алтарь государственной службы.

В общем, мы прервали захватывающий процесс служения Отечеству, чтобы выпить чайку с чем бог послал, а послал он нам свежие пирожные из бара администрации и экзотические фрукты из закромов запасливой Татьяны Петровны.

– Три Татьяны под окном пили кофе утром! – в подражание Пушкину коряво сифмовала наша завсекша.

У нас в кабинете три Татьяны. Я не уверена, что это случайное совпадение. Подозреваю, что так удобно нашему шефу: не нужно напрягать память, заучивая лишние имена. Опять же, звонит он нам в кабинет на любой аппарат, властно вопрошают: «Татьяна?» – и стопроцентно угадывает. Приятно, наверное, никогда не ошибаться, сознание собственной непогрешимости греет душу любому человеку, тем более – большому начальнику.

Разлив по чашкам кипяток, наша любознательная завсекша включила радио, чтобы совместить приятное с полезным – завтрак с политинформацией.

– …ршено дерзкое ограбление! – с полуслова завелся приемник. – Час назад на центральной улице города преступник с бейсбольной битой напал на представителей местной ювелирной компании. Это случилось прямо у входа в магазин, принадлежащий фирме, когда двое ее сотрудников выходили, неся с собой дипломат с пятью килограммами готовых ювелирных украшений. Преступник одного за другим ударил мужчин битой, отобрал дипломат и скрылся с ним в неизвестном направлении.

– Не слабо! – присвистнула я.

– Пять килограммов золота! – мечтательно протянула Танечка. – Интересно, это сколько?

– Вот такой слиток! – авторитетно сказала всезнающая Татьяна Петровна и показала нам крупный грейпфрут.

Мы с Танечкой уважительно затихли, созерцая золотистый шар размером с гандбольный мяч.

– Где они?!

Дверные створки распахнулись, пропуская в кабинет холодный воздух, громкий крик и взлохмаченного Лешку. Первым несся крик:

– Где японцы?!

Боязливая Танечка подавилась пирожным и закашлялась, я замерла, не донеся до рта эклер. А наша завсекша, не переставая размеренно вращать ложечку в китайской чашке с драконом, поразительно похожим на начальника соседнего департамента, с обычной для нее невозмутимостью и отменной любезностью ответила:

– Японцы? В Японии, я полагаю.

– Да? А это вы видели??!

Лешка затормозил у стола Татьяны Петровны, с размаху сунул руки в брюки и зашерудил ими там с пугающим энтузиазмом. Я напрочь забыла про эклер и даже привстала, изумленно тараща глаза. Худосочный и бледный, как первый подснежник, наш Алекс никогда раньше не казался мне знойным мачо. Теперь я вдруг поняла, что недооценивала Лешкин темперамент, и страстно возжелала увидеть, что именно он собирается извлечь из широких штанин и продемонстрировать Татьяне Петровне. Кстати, интересно было узнать, сохранит ли она в ходе этой демонстрации непокобели... тьфу, непоколебимое спокойствие и добродушие.

Увы, Леша опять меня разочаровал. Сначала он многообещающе вспучил брюки, а потом вытянул из кармана самый обыкновенный мобильник. Ну, положим, не самый обыкновенный, а весьма навороченный, но все равно, ничего экстраординарного. Лешка раздраженно шваркнул аппарат на стол перед завсекшей и повторил:

– Вы это видели?

– Конечно, видела, и неоднократно, – с достоинством ответствовала Татьяна Петровна, откладывая в сторону ложечку и вплотную принимаясь за чай.

Она не обманывала, Лешкин сотовый по сто десять раз на дню видели все сотрудники нашего департамента. Прикупив новый дорогой коммуникатор, Алекс не упускал ни единой возможности продемонстрировать свое ценное приобретение коллегам.

– Вы письмо получили? – не отставал от завсекши Лешка.

– Какой номер? – встрепенулась Танечка.

Она у нас уже второй месяц ведает почтой и при слове «письмо» машинально тянется к богатой коллекции деловой переписки, собранной в толстокожей папке, которая цветом, размером и весом напоминает небольшую надгробную плиту из серого гранита.

– Плюс семь восемьсот шестьдесят один двести сорок два двадцать два тридцать, – скороговоркой пробормотал Лешка.

– Что-то не вижу, – огорченно сказала Танечка, судорожно перелистывая страницы почтового талмуда. – Это входящий номер письма или исходящий?

– Это номер моего мобильного! – рявкнул Лешка, в тысяча первый раз продемонстрировав свой дорогой телефон. – Я спрашиваю, вы получали эсэмэску от МЧС? Теперь они рассылают сообщения на мобильники.

– Ты говоришь про утреннее предупреждение об усилении ветра? – до меня дошло, о каком письме толкует взволнованный коллега, правда, я не поняла, чего ради он так расперевивался. – Точно, было такое письмо. «Чрезвычайники» обещали шквальный ветер порывами до двадцати пяти метров в секунду.

– Не обманули, – удовлетворенно молвила Татьяна Петровна и кивком указала на окно.

Мимо него со скоростью, вполне сопоставимой с означенной, пролетел надутый ветром полиэтиленовый пакет с логотипом соседней булочной. Вековые платаны и бронзовый всадник перед зданием администрации сопротивлялись штурму стойко, но пешеходы в подветренном направлении перемещались с большим ускорением.

– Это еще ничего, – с облегчением закрыв не пригодившуюся почтовую папку, сказала Танечка. – Представляю, что сейчас делается в Новоросси... Ой!

– Вот именно! – страдальчески выдохнул Лешка. – А японцев-то повезли как раз в Новороссийск!

– Не приняв во внимание своевременно поступившее штормовое предупреждение, – задумчиво молвила завсекша и пристально посмотрела на Лешку.

Стало ясно, с какой формулировкой уволит провинившегося наш гневливый шеф. Заодно прояснилась и личность дежурного козла отпущения. Лешка, поднаторевший в дворцовых интригах, почувствовал, куда штормовой ветер дует, и поспешил перевести стрелки:

– Это Сэм предложил Новороссийск, я-то предлагал просто выгулять самураев по нашему Арбату!

У Лешкиной двоюродной сестрицы Мари как раз на Арбате сувенирная лавочка, а наш дорогой коллега всегда готов порадеть родному человечку. Редкая иностранная делегация, посетившая наш богоспасаемый град, убывает восьмояси без полного комплекта фаянсовых статуэток казаков и казачек, декоративных макитр и подносов из лакированной лозы.

На ясное чело завсекши набежала тень. Сэм, он же Семен Кочерыхин, – сын ее задушевной подруги из управления протоколом. Татьяна Петровна за тридцатилетним мальчуганом по-свойски приглядывает, так сказать, опекает кроху Маугли в административных джунглях. Смекнув, что Семен рискует угодить под раздачу, мудрая женщина отказалась от мысли персонифицировать вину за содеянное и со вздохом сказала:

– Надеюсь, с японцами ничего плохого не случится, иначе Иван Ильич нам всем устроит!

– Что он нам устроит? – с боязливым интересом спросила Танечка, при одном упоминании имени грозного шефа непроизвольно вжимая голову в плечи.

– Харакири! – брякнула я.

Никто даже не улыбнулся.

С этими японцами с самого начала все было не слава богу. Во-первых, изначально они не значились в нашем деловом расписании, возникли на горизонте совершенно неожиданно и создали нам, мирным департаментским труженикам, массу проблем. Никаких рекламно–раздаточных материалов на японском у нас не имелось, а единственный в городе японист Гавриил Тверской-Хацумото совершенно по-русски ушел в глубокий запой. Рисовать иероглифы у нас никто не умел, да и осмыслить эти изящные каракули мы были не в силах.

Впрочем, это еще семечки. В день полуторожественного приема японских гостей вице-губернатором в скверике напротив здания администрации неожиданно появились пикетчики. Они выстроились свиньей, воздев на манер щитов фанерные плакаты с требованием снять к чертовой матери чем-то неугодившего им прокурора. Любознательные японцы, увидев это классическое древнеримское построение в окошко, не преминули поинтересоваться, что, собственно, происходит. Японист Тверской-Хацумото, принудительно выведенный из алкогольной нирваны с большим опережением срока и потому не вполне адекватный, брякнул, спасая ситуацию:

– Горожане сердечно приветствуют японскую делегацию!

После этого японцы совершенно растрогались и всей толпой поперли на балкон с ответным приветом добросердечным горожанам.

Балкон под совокупным весом двенадцати самураев не обвалился, чего я лично очень опасалась, но ничего хорошего из выдвижения общительных японцев на свежий воздух не вышло. Как на грех, у не угодившего народным массам прокурора была нехарактерная для наших мест наружность потомка Чингисхана, и все до единого японские делегаты имели большое сходство с прокурорскими портретами на плакатах пикетчиков. В самураев полетели ругательства и снежки, торжественный прием был испорчен, вице-губернатор едва не уволил нашего шефа, а тот устроил грандиозную нахлобучку всем нам. Вечер мы с Танечкой скоротили в гостинице «Москва» в компании абстенентного Гавриила Тверского-Хацумото, дюжины надутых японцев и одного иллюстрированного альбома «Живопись передвижников». Великолепное подарочное издание на плотной мелованной бумаге, в супертвердой обложке и в добавок в сувенирной коробке из резного дерева весило с четверть пуда, зато его отдельные страницы более или менее убедительно доказывали, что бросание снежков и штурм ледяных крепостей суть не агрессивные расистские действия, а традиционные русские забавы. Ликвидацией культурно-исторической безграмотности темных японских масс мы с Танечкой занимались до гостиничного отбоя, а с утра пораньше шефство над делегацией приняли Сэм и Алекс. И вот что из этого вышло...

– Позвони в Новороссийск и узнай, как там дела, – посоветовала я расстроенному Лешке.

– В центре Новороссийска произошел взрыв. На воздух взлетел автомобиль, припаркованный на набережной! – с готовностью подсказал радиокомментатор.

Я быстро выключила приемник, чтобы он не нагнетал панику.

– Новороссийск остался без света и связи. Я звонил на мобильники Сэму и Гавриле – они недоступны, – устало ответил коллега. – Наверное, наш автобус застрял в горах, в зоне недоступности.

– Можно, я скажу? – Танечка подняла руку, как дисциплинированная школьница. – Я видела, у японцев есть спутниковые телефоны! То есть у них, в отличие от Дениса и Гаврика, нет проблем со связью.

– Отлично! – горько сказал Лешка. – Значит, ничто не сможет помешать им позвонить на родину и ославить наш милый край на всю Страну восходящего солнца!

– Конфуз, – в меру сочувственно сказала я, не особенно переживая.

Я на поприще укрепления международных отношений работаю всего три месяца и еще не почувствовала своей неразрывной связи с департаментскими делами. Если честно, я вообще чувствую себя тут пятым колесом в санном поезде. На теплое местечко в департамент меня пристроил любящий дедушка – депутат Законодательного собрания края. А я, в отличие от дедушки, никогда не считала госслужбу наилучшим поприщем для применения своих талантов.

– Это не конфуз, Татьяна, это международный скандал! – веско поправил меня Алекс.

Мы немного помолчали, осмысливая масштабы бедствия. Я лично думала, что Лешка, по своему обыкновению, драматизирует ситуацию, но оставила эти мысли при себе. Поскольку я в департаменте без году неделя, мое видение ситуации частенько отличается от точки зрения старожилов. Как правило, мой взгляд грешит излишним оптимизмом.

– Японцев надо спасать, – заявила Татьяна Петровна.

– Надо, – незамедлительно согласился Лешка. – А как?

– Давайте позвоним спасателям, – робко предложила Танечка. – Пусть они эвакуируют японцев с перевала по воздуху.

– Вертолет в такую погоду не поднимут, – возразил Лешка.

В этот момент коммуникатор, забытый им на столе завсекши, дико взывал, завибрировал, с поразительной живостью пополз по лакированной столешнице и бухнулся с нее вниз, как бескрылый жук-самоубийца. Скарабей-камикадзе.

– Да, я слушаю! – вскричал Лешка, проворно выудив суициальный мобильник из мусорной корзины.

Аппарат исторг из себя серию звуков, сложившихся в мелодичную, но непонятную фразу вроде «Хасю-масю сана-мана хо!».

– Хо, хо, – осторожно согласился Лешка. И озабоченно спросил на вполне убедительном псевдояпонском: – Хо-то э-то?

– Леха, твою дивизию, это я, Сэм! – на чистом русском взревел телефон. – Я одолжил спутниковый телефон у господина Хировато. Леха, атас, кирдык, хана нам!

– Сема знает японский? – шепотом спросила у меня впечатленная Танечка.

– Такой «японский» и я неплохо знаю, – пробормотала я, встревоженно прислушиваясь к разговору коллег.

– Нам хана! – продолжал орать самозванный «японист» Семен Кочерыхкин.

Куда только подевались безупречные манеры потомственного дипломата? Семино отмененное воспитание в данной эмоциональной беседе никак себя не проявило.

– Мы застряли! Справа скала, слева пропасть, сверху и снизу снег, посередине – наш автобус, обычный «Икарус» без сортира и бойлера, и в нем двенадцать японцев, которые хотят есть, спать и писать в теплом помещении! – отчаянно голосил Сэм. – А с теплым помещением

тоже напряг, потому что через час у нас закончится бензин, через два часа стемнеет, за бортом минус восемь, температура продолжает падать, и к утру вы получите пятнадцать хладных трупов!

– Пятнадцать – это вместе с Семой, переводчиком и водителем Славой, – машинально подсчитала дотошная Татьяна Петровна.

– Семен драматизирует, – осмелилась предположить я.

– Хочешь это проверить? – огрызнулся Лешка.

Ставить такой опасный эксперимент никому не хотелось, и мы не знали, что делать. Старшей по званию в отсутствие начальника департамента, находящегося в служебной командировке в Китае, и начальника отдела Семена, застрявшего в заснеженных горах вкупе с невезучими японцами, осталась заведующая нашей секцией. Взгляды присутствующих устремились на Татьяну Петровну. Осознав всю ответственность, она сухо кашлянула, пристально посмотрела на пресс-папье в виде хрустального куба, и этот магический кристалл чудесным образом подсказал ей небанальный ход.

– Кто придумает, как спасти японцев, получит отпуск в августе! – объявила мудрая женщина.

– Полный отпуск? – не спеша верить в сказанное, уточнила я.

По рассказам наших департаментских старожилов, отпуск в августе – это небывалое счастье. В сентябре у нас в крае проводится серьезный международный форум, за организацию которого отвечает наша служба, так что за два месяца до этого глобального мероприятия в департаменте объявляется всеобщая мобилизация. Мы переходим на осадное положение, а все отпуска и увольнительные отменяются как факт.

Поскольку я очень люблю отыхаться на море именно в последний летний месяц, страшные рассказы более опытных коллег о ежегодном «черном августе» мне очень не нравились. Я даже подумывала, не уволиться ли мне заранее, еще в июле. Конечно, я понимала, что это ужасно огорчит дедушку, но эгоистично полагала, что дедулино огорчение не идет ни в какое сравнение с моим собственным. Я же отсутствие летнего отпуска просто не переживу!

– Как же их спасти? – я задумалась и прислушалась к своему внутреннему голосу.

Точнее, к голосам. Их у меня два. Один принадлежит нахальной и дерзкой сущности по имени Тяпа, а второй – воплощению скромности и застенчивости Нюне. Сразу объясню, что это за чудо такое, чтобы никто не счел меня ненормальной.

В детстве я была тихой послушной малышкой, настоящей пай-девочкой, о какой мечтают все родители. Вот и мои тоже мечтали, и я не посмела обмануть их ожидания. Так в моей душе поселилась Нюня. Однако быть тихоней-недотрогой совсем не весело, поэтому втайне от папочки и мамочки я придумала себе подружку – отважную до дерзости авантюристку Тяпу. Со временем Нюня и Тяпа стали казаться мне такими же реальными, как благовоспитанному Малышу из сказки Астрид Линдгрен – его разбитной дружок Карлсон. Я научилась понимать, чего хочет каждая из них, и дипломатично учитывать желания обеих. А как же иначе? Каждая из них – это я, хотя Я больше, чем Тяпа плюс Нюня. Я Таня.

Обычно две мои половинки слиты воедино, но в критические моменты они разделяются, и тогда мы можем устроить военный совет. К таким внутренним конференциям я давно привыкла и нахожу их удобными и полезными.

Вот и на этот раз три головы сработали лучше, чем одна.

– Раздать японцам лыжи и пусть катятся! – с ходу предложила грубиянка Тяпа.

– Чтобы раздать японцам лыжи, нужно сначала доставить им эти лыжи, – с интонациями Шарика из мультика про Простоквашино возразила ей Нюня.

– Так почему бы их не доставить? – Тяпа, как обычно, заупрямилась. – Если в снегу застрял здоровенный неуклюжий автобус, это не значит, что там застрянет любой другой транспорт!

– Послушайте! – трепетная интеллектуалка Нюня мгновенно воодушевилась и с намеком вольно процитировала Пушкина: – Не пора ли в санки кобылку резвую запречь?

– Нет уж, жизнью кобылки мы рисковать не будем! – не согласилась с ней Тяпа. Она девица дерзкая и колючая, но животных любит. – Говоря о другом транспорте, я имела в виду главным образом бульдозеры, танки и вездеходы.

– Конечно, вездеходы! – обрадованно вскричала я. – Как я сразу не сообразила! Надо позвонить Ларри!

– Кто такой Ларри? – закономерно заинтересовались мои коллеги.

– Ларри – это Илларион Мухачев, отец-основатель «Айрон Хорз».

– А что такое «Ай...»?

– «Айрон Хорз» – или «Стальной конь» – это клуб любителей джипинга!

– Джипинга? Кажется, это именно то, что надо! – неуверенно улыбнулся Лешка.

Глава 3

Георгий Бондарев по кличке Гиббон угрюмо пил водку и закусывал ее собственноручно порубленной селедкой. Глядя на то, что сделал с несчастной рыбиной свирепый Гиббон, Игорь Владимирович Коржиков преисполнялся все более дурных предчувствий. Внутренний голос подсказывал ему, что Жора сожрет его, как ту селедку, и даже косточки не выплюнет. Пять лет работы в легальном бизнесе визуально сделали из Гиббона человека, но под сшитым на заказ модным костюмом и сорочкой ручной работы скрывалось все то же дикое волосатое существо, не дотягивающее до Хомо Сapiens по целому ряду принципиальных позиций. Совокупная длина мозговых извилин Гиббона была гораздо меньше, чем самая короткая из ветвей родословного дерева потомственного интеллигента Коржикова. Тем не менее главным в tandemе был именно Жора. Грубая сила в очередной раз восторжествовала над тонким интеллектом.

– Пять кило рыжья! – горестно стонал Гиббон, роняя изо рта колечки репчатого лука вперемежку с совершенно непечатными ругательствами, из коих примерно третья была адресована Игорю Владимировичу, а остальное – неизвестным грабителям.

– Жора, зачем так убиваться? – осмелился высказаться Коржиков. – Ведь банк-страховщик покроет наши убытки!

Гиббон предостерегающе, как светофор, полыхнул налитым кровью глазом и в краткой, но доходчивой форме сообщил, что он сделает со страховщиком, а затем выразил горячее желание осуществить ту же самую сексуально-принудительную процедуру с грабителями и ментами. Игорь Владимирович тихо порадовался, что Жорина всеядность не распространилась на него лично.

– Ты почему не пьешь? Пей! – потребовал Жора.

– Я не могу, у меня травма, – напомнил Игорь Владимирович, ладонью мягко прикоснувшись к своему животу и болезненно поморщившись.

– Травма у него! – фыркнул Гиббон, опрокинув стакан. – Ты козел. У тебя сопливый гопник чемодан с цацками дернул, а ты его, падлу, даже не срисовал!

– Я его запомнил! – возразил Коржиков, не нуждающийся в синхронном переводе с блатной фени. – Сколько раз рассказывать? Парень лет семнадцати, высокий, сутулый, в мешковатых штанах в крупную клетку и куртке с капюшоном...

– Сгорел синим пламенем! – перебил его Жора. – Пуфф! Ба-бах!

Он широко взмахнул руками, показывая пух и бабах, и отправил в нокаут блюдо с селедкой. Игорь Владимирович вздохнул. Благодаря контактам с местной милицией компании уже знали, что полугрузовой автомобиль «Бычок» производства Волжского автозавода, угнанный поутру с неохраняемой стоянки у продовольственной базы «Коровушка», через пятнадцать минут после ограбления ювелирного магазина взорвался на тихой уличке у морвокзала. На водительском месте в сгоревшем автомобиле находился мужчина, от которого мало что осталось, но судмедэксперт уверенно заявил, что погибший был молодым, высоким и сутулым.

– Игореша! – протянул Гиббон таким тоном, которым умные и бесконечно терпеливые взрослые разговаривают с невыносимо тупыми и упрямыми детьми. – Надо ж соображать! Дурень с битой был простым исполнителем, а за ним стоял кто-то поумнее. Этот умник подельничка своего убрал и золотишко унес. Да ты че, сразу не понял, что их двое было? Когда эти козлы пошли на дело, за баранкой был не сопляк в клеточку, а кто-то другой!

– Извини, но как раз этого другого я не видел! – умеренно рассердился Игорь Владимирович.

– Его никто не видел, – сокрушенно вздохнул Жора и вылил в свой стакан остатки водки. – Идеальное, блин, ограбление!

Коржиков опять хотел напомнить, что для них-то в принципе ничего страшного не случилось, если милиция не найдет чемодан с золотом – банк выплатит пострадавшей фирме страховку. Однако, взглянув на мрачное лицо компаньона, он предпочел промолчать. На низком челе Гиббона так же отчетливо, как на трансформаторной будке, читалось грозное предостережение: «Не влезай, убьет!» Игорь Владимирович предпочитал, чтобы убивали других, с него лично хватило и обширной гематомы в районе брюшины.

– Найду гада – башку откручу! – пообещал Жора и хрюстнул об пол пустой стакан.

– Сам зайдешь или с милицией? – осмелился спросить Коржиков, когда отзвенели осколки.

– Ха, с милицией! – Гибbon презрительно фыркнул, давая понять, что ни в грош не ставит службу охраны правопорядка.

И то сказать, один факт, что сам Жора пребывал на свободе, указанную службу изрядно компроментировал.

– Бабок отсыплю – найдется, кому найти!

Бабки были частично отсыпаны, частично обещаны отнюдь не в милицейские закрома.

К вечеру того же дня доблестная милиция установила личность погибшего юнца в клетчатых штанах и занялась его дружками-приятелями. К середине бурной ночи всплыла информация о залетном парне по прозвищу Чукча. Кто-то из тех, кто видел его в обществе погибшего студента, дал краткое описание внешности подозреваемого: «Глаза раскосые, лицо желтое, круглое, волосы черные щеткой. Натуральный чукча!»

Предпринятые милицией поиски натурального чукчи успехом не увенчались. Каким образом человек с типичной наружностью потомственного оленевода сумел затеряться в южном городе, надолго осталось волнующей загадкой.

Глава 4

С Илларионом Мухачевым мы выросли в одном дворе и, сколько я его помню, Ларик никогда не ходил пешком. Едва выбравшись из детской коляски, он пересел на велосипед, которому оставался верен долгие годы – кратковременные изменения с роликовыми коньками и скейтбордом не в счет, ведь они тоже являлись колесным транспортом. В восемнадцать лет Ларик получил водительские права и обзавелся сначала мотоциклом, а потом и автомобилем. При этом от велосипедов, включая самый первый, трехколесный, он не избавился, а в дальнейшем без устали увеличивал число своих колесниц и к двадцати пяти годам стал обладателем целой коллекции экипажей разной степени потрепанности. В данный момент исправных автомобилей у Ларика три: новая «Ауди» для представительских целей, латаная «шестерка» для повседневного пользования и брутального вида «газон» для занятий триалом. Экстремальную езду по сильно пересеченной местности Ларик считает кратчайшим путем к достижению морально-нравственных высот и блаженства духа.

Не знаю, как насчет духовного, но никакого телесного блаженства от занятий триалом уж точно ждать не следует. Я это в полной мере поняла, прокатившись в компании друга детства по ухабистой обочине обледенелого горного серпантина.

С риском для своей и моей жизни обходя километровую пробку по краю пропасти, сорвиголова Мухачев радостно хохотал, обзвывал меня трусливой маменькиной дочкой и для пущего моего «удовольствия» пускал крупные камни под колесо. Крепко зажмурившись и так же крепко стиснув челюсти, я летала по салону «газика» от стенки к стенке, как контуженная муха, получала синяки и мысленно проклинала Тяпу, Нюню и саму себя за фантазию – во-первых, и за болтливость – во-вторых. Кто меня тянул за язык? Зачем вообще надо было упоминать о приятеле – чемпионе гонок по бездорожью?

– Татьяна, если вы с этим отважным юношем вызволите из снежной ловушки наших японских гостей, я ответственно обещаю тебе все возможные бонусы! – заявила Татьяна Петровна, и я, как дурочка, тут же позвонила Ларику.

Он, разумеется, с радостью ухватился за возможность эх-прокатиться по заснеженным горным перевалам, бросил все дела и примчался за мной на своем стальном коне прямо к зданию администрации. Усаживаясь в битый жизнью военно-полевой «газон» под брезгливыми взглядами охранников и сочувственными взорами коллег по работе (Танечка, добрая душа, даже всплакнула и прощально помахала мне из окошка беленьким платочком), я остро ощущала несоответствие автомобиля общей картине и чувствовала себя крайне неловко. Однако эта неловкость не шла ни в какое сравнение с теми незабываемыми по остроте ощущениями, которые я пережила в дороге.

– Не боись, Танек, прорвемся! – подбадривал Ларик, в объезд бесконечной фуры проносясь на двух правых колесах по осыпающемуся ледяному карнизу.

– Не дрейфь, малявка! – орал он, когда мы в обход застопорившегося каравана пробились на снежную целину и увязли в глубоком сугробе.

С учетом того, что я в тот момент как Геркулес толкала машину, называть меня малявкой было по меньшей мере неучтиво.

– Не кисни, детка! – весело скалился любитель опасных приключений, когда я, мокрая и злая, сквозь стук и скрежет зубовный откровенно материла оптом себя, Ларика, коллег, японцев и ученых, бессовестно врущих о глобальном потеплении.

На землю, явно переживающую начало нового ледникового периода, пала ночь. Затейливо петляющая дорога, покрытая девственно чистым снегом, окончательно слилась с белыми горами. Мой бедовый приятель рулил по отфонарному принципу «наобум Лазаря», и я в пред-

дверии райских врат уже начала каяться перед всевышним во всех своих прегрешениях, когда Ларик неожиданно прервал это душеспасительное занятие деловитым вопросом:

– Это не наш автобус?

Я спешно разлепила молитвенно склеенные ладошки, приставила одну из них козырьком ко лбу и напряженно всмотрелась в сумрачную даль. Добрый Ларик в помощь впередсмотрящему врубил дальний свет, и мне удалось разглядеть квадратную красную морду «Икаруса». Снизу он до середины колес утонул в сугробе, сверху его до самых окон замело снегом. В результате автобус здорово напоминал слоеный пирог с чрезмерно большим количеством взбитых сливок, но приступа аппетита эта картина у меня не вызывала. Окна «Икаруса» были темными, и я испугалась, что мы с Лариком прибыли на вечер экстремальной русско-японской встречи слишком поздно.

– Вываливайся, а я развернусь, – велел Ларик.

Я послушно вылезла из машины и, пока «газик» с ревом маневрировал на дороге, становясь к «Икарусу» задом, а к далекому городу передом, я подбежала к автобусу и нетерпеливо постучала ладошкой по холодному боку автобуса. Как живые, виделись мне мертвые японцы, трагически полегшие заодно с ними русские ребята Семен и водитель Славик, а также гибридный русско-японский парень Гавриил Тверской-Хацумото.

«Пу-ф-ф!» – отъезжая в сторону, устало выдохнула дверь.

– Есть кто живой?! – срывающимся от волнения голосом крикнула я и полезла вверх по ступенькам.

В салоне было душно, дымно и темно, и я не сразу поняла, кто это валится на меня подрубленной сосенкой со скрипучим стоном:

– Й-эх! А вот и голубь прилетел!

К моему белому болоньевому плечу прижалась взлохмаченная голова, талию стиснули крепкие мужские руки. Я поняла, что поспешила похоронить пассажиров «Икаруса». Кто как, а Сема Кочерыхкин уж точно был жив и полон сил и желаний.

– Ты что, Сэм? Какая я тебе голубка? – спросила я, ловко уходя из захвата.

– Белая! Белая голубка, несущая в своем клювике благую весть всему нашему маленькому филиалу Ноева ковчега! – растроганно всхлипнул он, опасно кренясь в надежде воссоединить свою небритую щеку с моим скользким плечом.

Попытка не удалась, Сэм шумно рухнул в проход и уже оттуда глухо, но с чувством воззвал:

– Даешь спасение каждой твари по паре!

Быстро оглядев поверх распростертого тела коллеги салон автобуса, я поняла, что парные твари упомянуты им не зря. Во-первых, пассажиры действительно сгруппировались по два и жались друг к другу, как озябшие котята, хотя свободных мест в автобусе хватало на всех с лихвой. Во-вторых, дальнего конца салона я не видела, он терялся в кромешной мгле, но в ближайших ко мне креслах сидели типы, облик которых был весьма далек от человеческого. Пьяный в дым японист Гавриил Тверской-Хацумото демонстрировал редкий случай коматоза с открытыми глазами, коими он еще и вращал с пугающей медлительностью и полным отсутствием синхронизации. Рядом с ним обезножившим Илюшем Муромцем застыл незнакомый мне молодой человек ярко выраженного среднерусского типажа – голубоглазый блондин с аккуратной рыжеватой бородкой и такими же усами. Окрас кожных покровов русского богатыря удивительно гармонировал с цветом его глаз, так как молодой человек крепко стиснул в кулаке мобильник, излучающий призрачный свет, и тупо смотрелся в голубой экранчик, как в зеркальце. Если не считать приобретенной в результате страшной синевы, физиономия его была вполне симпатичной, и на ней прочно установилось выражение безмятежного спокойствия. Мое неожиданное появление никакого впечатление на медитирующего бородача не произвело.

Зато при виде меня сильно оживились наши японские друзья. Они вразнобой заголосили на родном наречье (в бурном речевом потоке я относительно уверенно распознала только победный клич «Банзай!»), повыпрыгивали из кресел и ринулись вперед. Я малость оробела, вообразив, что все они по примеру Сэма бегут со мной обниматься, но мелкорослые японцы один за другим шустро прошмыгнули к выходу из автобуса. Высокая скорость перемещения и ловкость, с которой они лавировали в обход меня и павшего Сэма, говорили о том, что потомки самураев, в отличие от русских богатырей, абсолютно трезвы. Значит, наши парни в полном соответствии с национальной традицией соображали на троих.

Я с тяжким подозрением посмотрела на синелицего Муромца, заглянула в пустую кабинку водителя и сокрушенно вздохнула. Судя по всему, собутыльником Сэма и Гаврилы стал водитель «Икаруса». Это обстоятельство сводило и без того малые шансы вызволить автобус из снежного плена к абсолютному нулю. Зато теперь я знала, что бородача зовут Славиком.

В открытую дверь автобуса ветром задувало снег. Вместе с ним извне донесся тосклиwyй хоровой стон: очевидно, японцы обнаружили, что долгожданную спасательную экспедицию единолично представляет Ларри на своем боевом «газоне».

Переступив через постанывающего Сэма, на черном кашемировом пальто которого отчетливо отпечатался след маломерного самурайского сапога, я вышла из автобуса. Белая завеса немного поредела, но Ларика, проторчавшего под открытым небом пару минут, уже изрядно припорошило снежком. В окружении японцев, среди которых не было ни одного выше ста шестидесяти сантиметров, он смотрелся как Белоснежка в хороводе с гномами. Сходство со сказочными существами усугубляли развевающиеся красные занавески, которые изобретательные и практические японцы в борьбе с переохлаждением сняли с окон «Икаруса» и использовали как плащи и накидки.

– Многовато их, – с сожалением пробормотала я, имея в виду не занавески, конечно, а самих японцев.

В команде гномов был явный перебор. Ларика, однако, это не смущило.

– Ну что, Танюха, начнем прорыв блокады? – весело крикнул он мне через головы самураев. – Ребята мелкие, загрузим по шесть штук за раз, в два приема я всех вывезу.

– Там еще трое наших, – я кивнула в сторону «Икаруса». – Они крупнее японцев.

– Тогда в три приема, – не затруднился с решением Ларри. – Как будем комплектовать группы? По национальному признаку или вразнобой?

Подумав немного, я решила, что правильная пропорция будет такая: один наш на четырех японцев.

– Нормальная квота, – согласился Ларик и тут же начал утрамбовывать на заднее сиденье эвакуационного «газика» первую четверку самураев.

С учетом того, что Ларри должен был оставить их на произвол судьбы в первом же доступном населенном пункте, я сочла правильным дать в сопровождение иностранцам кого-нибудь русскоязычного. Быстро оживить Тверского-Хацумото не получилось, поэтому мы с Лариком выволокли его на свежий воздух и оставили протрезвляться в сугробе, а на переднее сиденье «газона» пристроили вялого Сэма.

– Откроем парню окошко, авось ветерок его взбодрит, – сказал неунывающий Ларри, обегая машину, чтобы сесть за руль.

Я уже знала, что его манера вождения взбодрит (если только не убьет!) кого угодно, и благосклонным кивком дала старт пыхтящему «газону». Машина рванула с места в карьер с ревностью, впечатлившей оставшихся японцев. Они встревоженно загомонили, часто цокая языками, и я слегка отстраненно подумала, что сформировать вторую четверку любителей экстремального катания будет, наверное, непросто. На добровольных началах, я имею в виду. Однако волноваться об этом стоило только в том случае, если лихой гонщик Ларик благополучно вернется из первого рейса.

Он вернулся, и довольно быстро, где-то через час. К этому времени Гавриил Тверской–Хацумото по собственному почину и без посторонней помощи перешел из лежачего положения в сидячее, но все еще был безмолвен и не реагировал на внешние раздражители. Он высыпался в сугробе, как снежная статуя Будды, и скучающие в ожидании дальнейшего развития событий японцы взирали на него с подобающим почтением.

– Со стороны города на дорогу пустили бульдозеры! Часиков через пять–шесть, если снова не заснежит, колонна сможет тронуться, – отрапортовал Ларик. – Я высадил ребят у автопоезда дорожников, оттуда они уже как-нибудь доберутся. Ну, кто следующий?

Вопреки моим опасениям, японцы с готовностью полезли в «газон». Им так сильно хотелось уехать, что нам удалось запихнуть на задний диванчик аж пять пассажиров. Впереди с деятельной помощью Ларика воссели Тверской–Хацумото. Переводчик уже мог шевелить конечностями и вращать головой, однако при взгляде на него сами собой вспоминались слова-исключения: стеклянный, оловянный, деревянный.

Отважный герой триала умчался в ночь, прочь, а мы с оставшимися на моем попечении иностранцами в количестве трех человек вернулись в автобус. Славик по-прежнему гипнотизировал экранчик мобильника, который уже не светился – видимо, намертво разрядился. Японцы все вместе, как синички на ветке, уселись на заднее сиденье, а я собрала невостребованные занавески и с их помощью свила себе более или менее уютное гнездо в пустующей кабинке водителя.

Сквозь просторное лобовое стекло открывался великолепный вид на полуночную дорогу, величественные горные склоны и скалистый обрыв. Все вместе выглядело очень красиво и столь же пугающе. По мере того как время шло, а Ларик все не появлялся, страх в моей душе рос и вытеснял чувство прекрасного. К тому моменту, когда половецкая пляска редких снежинок вновь превратилась в хаотичную дискотечную круговерть, я окончательно пала духом. Рассеянное сияние фар автомобиля, медленно ползущего сквозь метель, показалось мне спасительным светом в конце туннеля. Путаясь в занавесках, я выскочила из автобуса и порывисто бросилась на шею усталому Ларику.

– Дорогу совсем завалило, на Краснодар даже мне не пройти! – сообщил старый друг, резким движением сняв с себя снег и меня заодно. – Я на развилке ушел вправо и сбросил вторую группу в Джубгу. Твои парни сидят в буфете на автовокзале, тамошние девочки дали им кофе.

Я быстренько припомнила местную географию. Джубга – маленький поселок, вблизи которого автотрасса скатывается с гор и выходит к морю. От Джубги километров двадцать дорога вьется по побережью, а затем вновь поднимается в горы. В принципе от Джубги можно добраться до Туапсе, где есть железнодорожная станция, там сесть на поезд и уже на нем уехать в Краснодар… Крюк, конечно, добрый, и затраты немалые, но денег мне хватит, у меня с собой почти двадцать тысяч – обеспокоенные коллеги не скучились на благое дело.

– Живо все в машину, – озабоченно скомандовал Ларик, оборвав мои думы. – Снеговерть такая, что можем увязнуть на полути до развилки. Едем в Джубгу, другого варианта нет.

Сообразив, что каждая секунда промедления уменьшает наши шансы, я подняла придремавших в «Икарусе» японцев истощенным криком: «Геть, геть, живо, пошли!» – и выгнала их из автобуса, как гусей. Чтобы пробудить Славика, пришлось его нещадно трясти.

– Т-т-ты к-к-кто? – стучал зубами, спросил бородач, когда мне удалось привести его в чувство.

– Слава богу, очухался, Мертвый Царевич! – сердито выдохнула я. – Я уж думала, придется целовать!

– Не возражаю! – изрек Славик.

Он закрыл глаза, вытянул губы трубочкой и загодя издал долгий чмокающий звук.

– Я тя щас как поцелую! – люто вызверилась на блаженного моя Тяпа. – А ну, пошел отсюда! Ноги в руки и вперед, на погрузку в спасательный транспорт!

Бородач кротко моргнул, втянул нецелованные губы обратно и послушно затянулся совмещать верхние конечности с нижними. Не дождавшись завершения этого многотрудного процесса, я вывалилась из автобуса наружу и оттуда еще раз гавкнула:

– Славик, живо выходи, а не то останешься тут один, как полярник на зимовке!

– Я останусь! – эхом отозвался он из глубины темного салона.

Перед моим носом с шорохом закрылась автобусная дверь.

– Как – останешься? – опешила я.

– Как капитан на мостице тонущего судна! – торжественно и печально возвестил невидимый герой.

Я обогнула выступ квадратной морды автобуса, встала прямо перед ним и подняла взгляд. Славик, очень живописный в слегка коротковатом ему красном богатырском плаще из занавески, плавно помавая руками, размеренно и скорбно затянул бессмертную песнь про героический крейсер «Варяг»:

– Скоре-ей же, товарищи, все по местам! Последний парад наступа-а-ет!

– Танюха, оставь парня! Надо же понимать, как водила, он отвечает за сохранность транспорта! – крикнул Ларри.

Он уже затолкал в машину последнюю тройку японцев и подпрыгивал перед открытой дверцей, нетерпеливо ожидая меня.

– Но он же замерзнет! – расстроилась я.

Бородатый богатырь Слава Муромец мне понравился, и я не хотела в следующий раз увидеть его симпатичную физиономию на медальоне могильного памятника.

– Не замерзнет! Живо в машину! – проорал Ларри.

Я не осмелилась его послушаться и безропотно полезла в «газик». Самого Ларри пришлось еще немного подождать, он сбежал к «Икарусу» и сунул в окошко Славику флягу в кожаной оплётке.

– Теперь точно не замерзнет, – успокоил он меня, вернувшись в машину. – Триста пятьдесят граммов хорошего коньяка согреют его не хуже, чем костер инквизиции!

Костер инквизиции – это тоже была не та перспектива, в русло которой мне хотелось бы направить судьбу приятного парня, но я промолчала. Ларик придавил педаль газа, и машина с рыком прынула вперед.

– Погоди, какой коньяк! Он же за рулем! – всполошилась я, тщетно пытаясь разглядеть «Икарус» со Славиком в прыгающем зеркальце заднего вида.

– Так ведь раньше завтрашнего дня дорогу не расчистят, успеетпротрезветь!

Озвучив это утешительное соображение, Ларик замолчал и сосредоточился на дороге.

Натужно рыча, «газик» полз вверх по серпантину, и бесчисленные снежинки бились о лобовое стекло, как белые мошки. Зябко кутаясь в плюшевую попону с окошком гордого крейсера «Икарус», я устало и потому отрешенно думала, каковы мои шансы выбраться из этой передряги живой и здоровой. Точно в ответ на поставленный вопрос, на крутом повороте машина пошла юзом, и скалистая пропасть оказалась так близко, что я сочла за лучшее возобновить прерванный некоторое время назад монолог кающейся грешницы. В этот страшный миг мне подумалось, что такой идиотки, как я, свет не видывал. То есть этот свет не видел, а тот, наоборот, увидит очень скоро!

– Стоять, Зорька! – голосом усталого скотника сквозь зубы процедил Ларик, выкручивая руль, чтобы удержать «газик» от падения в пропасть.

К счастью, ему это удалось. Машина выпрямилась и через несколько минут уже катилась по достаточно широкой и прямой дороге вниз, к морю. Я с облегчением вздохнула. Японцы на заднем сиденье завозились и неожиданно грянули вполне бодрую песенку. Слов мы с Ларри

не поняли, но жизнерадостный мотив нам понравился, и на ритмичном припеве «хо-хо!» мы по собственному почину присоединили свои голоса к общему хо-хору.

Так, под звуки японской народной, мы въехали в солнечный приморский поселок.

Маленькое здание автовокзала в окружении более высоких частных гостиниц смотрелось натуральным громом. Его жемчужиной по праву мог считаться Гавриил Тверской-Хацумото, восседающий на верхней ступеньке крыльца в белом пластмассовом кресле. Чуть раскосые серые глаза азиата российского розлива не мигая смотрели на неоновую вывеску клуба игровых автоматов, расположенного на другой стороне улицы. Тело Гаврика в несколько слоев укрывали выгоревшие красные занавески. Издали он был очень похож на краснокочанную капусту и чуть меньше – на сидящего Будду в праздничном убранстве. Не хватало цветочной гирлянды на шее и воскуренных благовоний.

Я шевельнула носом и обнаружила, что воздух отчетливо пахнет кофе. Бодрящим ароматом тянуло из приоткрытой двери кафетерия.

– Гаврик, ты чего тут? – проходя мимо, спросила я переводчика.

Он не удостоил меня ответом и не отреагировал на приветствие Ларика.

– Хо, мужики, хо! – по-свойски поторопил полиглот Ларри измученных японцев. – Сейчас накатим кофейку с коньячком, и будет нам счастье!

В кафетерии было душно, тесно и шумно. Японская братия наливалась растворимым кофе из автомата и коньяком из бара, за стойкой которого устало ворочалась толстая чернобровая тетка с гусарскими усами. Меня встретили улыбками, вновь прибывших японцев возгласами, а Ларика аплодисментами.

– Да ладно вам, мужики! – засмущался наш героический водитель.

Я взяла два кофе, сунула одну чашку Ларри и ощутила, что его рука слегка дрожит.

– Бедненький, да ты устал как черт! – я погладила старого друга по вспотевшим вихрам и признательно чмокнула его в щеку. – Спасибо тебе, Ларик, огромное! Что бы с нами было, если бы не ты!

– Да ладно тебе! – повторил он. – Ты лучше думай, как дальше быть. Что будешь делать?

Мы присели в уголке, чтобы не мешать японской тусовке, разворачивающейся с повышением градуса. Усатая буфетчица ловко откупоривала и выставляла на стойку бутылки.

– Что дальше? – я посмотрела на своих подопечных, а потом заглянула в чашку, проверяя, кофе в ней или что покрепче.

Было полное ощущение, будто у меня двоится, троится и четверится в глазах, потому что самураи походили один на другого, как близнецы. Впечатление усиливалось оттого, что не все онибросили красные занавесочные плащи.

– Чокнуться можно! – пробормотала я. – Как же я их различать-то буду? Они же как дыни на фруктовом лотке, восемь одинаковых желтых физиономий!

– Однаковых не восемь, а всего семь, – поправил меня Ларри. – Если ты не заметила, среди японцев есть один одноглазый.

– Жаль, что среди них нет еще одноухого, однорукого, одноногого и однозубого, – шизоидно хихикнула я. – Это сильно облегчило бы процесс идентификации!

Ларик внимательно посмотрел на меня, сбежал к стойке бара и принес пластиковый стаканчик уже не с кофе, а с другой темной жидкостью. Не разобравшись, я залпом выпила полстакана коньяка и задохнулась. Предупредительный Ларик обмахнул меня подносиком и дал конфетку, которой я послушно закусила.

Хрустя засахарившейся карамелькой, я вновь рассматривала своих японцев и прикидывала, как они воспримут сообщение о том, что мы задержимся в этой дыре как минимум на сутки. Будут в претензии к департаменту, организовавшему им сюрпризное путешествие в духе экстремального туризма, или смиренно примут это небольшое, в общем-то, испытание?

Японцы не выглядели угнетенными, видимо, пребывали в эйфории по поводу чудесного спасения из снежного плена. Тетка буфетчица, проявляя традиционное южное гостеприимство, вдобавок к коньяку выставила большое блюдо бутербродов и включила для развлечения интуристов телевизор.

– Мы будем измерять тебя в попугаях! – с выраженным вологодским оканьем и великой медлительностью сказал с экрана Слоненок, по одному взгляду на огромную голову которого можно было диагностировать синдром Дауна.

Радостный визг психопатической мультишной мартышки слился с телефонным звонком. Я машинально достала мобильник и приложила его к уху.

– Ну, и где вы запростились?! – сердито рявкнул Сема Кочерыхкин.

Судя по тону, он оклемался и вместе с похвальной любознательностью вновь обрел свое-обычный командный голос.

– Свят, свят, свят! Не запростились, Бог миловал! – я размашисто перекрестилась пустым стаканчиком. – Все живы, все целы, но перевал заснежило окончательно, поэтому мы осели в Джубге. Может, завтра погода улучшится, и нам удастся добраться хотя бы до Туапсе.

– Гаврила с тобой?

– Как сказать? Скорее нет, чем да, – вздохнула я, взглянув сквозь стекло на Тверского-Хацумото, восседающего на крыльце с самым отсутствующим видом.

– Иванова! – голос Сэма построжал. – Ты не расслабляйся! Помни, что на тебе восемь японцев!

– Очень эротично! – ехидно вставила хмельная и веселая Тяпа.

– Ты за них отвечаешь! – запугивал меня Сэм. – Делай, что хочешь, но чтобы японцы были не просто целы и невредимы, но довольны и счастливы!

Я отлепила трубку от уха, прижала ее к своему часто бьющемуся сердцу и громко крикнула буфетчице:

– Девушка, еще бутылку коньяка и бутербродов!

Японцы при виде угощения радостно загомонили.

– Ты слышишь? – спросила я Сэма. – Сейчас они довольны и счастливы.

– Постарайся, чтобы так было и впредь, – не смягчился он. – Звони, если что. Мы уже домой едем.

– Хорошо вам! – искренне позавидовала я и спрятала мобильник в сумочку.

Добрый Ларик сунул в мою освободившуюся руку стакан, я безропотно вылакала коньяк и озабоченно оглядела компанию японцев. После второго дринка их вроде бы стало гораздо больше, чем восемь. Двадцать восемь? Или тридцать восемь?

– Тридцать восемь попугаев! – удивительно своевременно ответил на мой невысказанный вопрос мультиплексионный Удав.

– Самураев! – поправила я и дурашливо захихикала.

Для успокоения разгулявшихся нервов Ларик принес мне еще один стаканчик, и финальная часть русско-японской попойки по большей части прошла мимо меня.

Глава 5

– Яшка, глянь, что это за чучело? – Ромка подтолкнул приятеля локтем и подбородком указал на кафешку на другой стороне дороги.

– А я почем знаю? – огрызнулся Яков.

Парни только что вышли из игрового клуба, где Яшка совершенно опустошил свой бумажник, а потом еще и вывернул карманы в пользу однорукого бандита. Больше всего на свете ему хотелось вернуться в клуб и доказать наглой иллюминированой жестянке, кто из них венец природы, используя в качестве веских аргументов топор и молоток. К сожалению, за глухой стальной дверью игрового заведения стоял на страже здоровья алчных роботов двухметровый верзила, похожий на клон Шварценеггера, созданный по образу и подобию Арнольда еще до того, как его облагородила большая политика.

– Не наш чувак, приезжий. – Ромка продолжал рассматривать мужика, задремавшего в кресле на ступеньках кафешки. – Похоже, не бедный. Гляди, на нем ботинки «Камелот» и куртка «Колумбия» на натуральном меху.

– Дурень! – фыркнул сердитый Яков. – Торчит там, как снеговик!

– Пьяный, – уверенно сказал Ромка. – Не вдрызг пьяный, но около того – в лоскуты.

Разнообразных видов и подвидов пьяных он за свои неполных семнадцать навидался, так как происходил из семьи потомственных алкоголиков.

– Стой здесь! – Яков остро огляделся и решительно пошел вниз с крыльца. – Свистнешь, если кто появится!

– Лады.

Ромке не надо было объяснять, с какой целью Яков направился к пьяному дурню в «Колумбии» и «Камелотах». Обобрать нетрезвого отдыхающего, вывернуть карманы задремавшего пляжника, стащить с веревки на балконе гостиничного номера приглянувшуюся одежду – таких подвигов за приятелями числилось немало. В летний сезон недостатка в деньгах у парней не было, но зимой в поселке почти не случалось приезжих, за счет которых можно было поживиться.

– Вот так его! – одобрительно бормотал Ромка, пока Яков, присев на корточки рядом с креслом, в котором посапывал пьяный, быстро и ловко инспектировал карманы хваленой куртки.

– Есть? – коротко спросил Ромка приятеля, когда тот вернулся.

– Почти шесть сотен! – ухмыльнулся Яков. – Может, были и еще, я не всюду посмотрел, в этой чертовой куртке миллион карманов… Ладно, пока хватит!

Он небрежно сунул деньги в задний карман джинсов и громко постучал в бронированную дверь игрового клуба.

Шести сотен хватило всего на полтора часа.

– Надо же, как не везет! – расстроенно вздыхал Яков, под тяжелым взглядом арнольдо-подобного охранника покидая игровой зал.

– Столько бабок спустили зазря! Лучше бы мы их пропили! – ворчал Ромка. – Как этот!

Он указал на пьяного в «Колумбии», который по-прежнему сидел в кресле на крылечке, даже позу не изменил.

– Вот кому хорошо! – позавидовал Яков.

В этот момент в качестве живого ответа на классический вопрос «Кому на Руси жить хорошо?» из дверей кафешки повалили другие нетрезвые люди, судя по виду – сплошь нерусские.

– Интуристы? – Яков оживился и посмотрел на приятеля, с намеком заломив бровь.

– Ага, – Ромка облизнулся.

– Интуристы – это хорошо! – мечтательно сказал Яков и энергично потер озябшие ладони. – Помнишь того швейцарца, с которого мы летом часы сняли?

– С чего ты взял, что он был швейцарец? – заспорил с ним приятель. – Он по-немецки говорил: «Гутен таг»!

– Гутен морген, гутен таг! Бьем по морде, бьем и так! – развеселившийся Яков снова потер ладони, легко сбежал со ступенек, проводил ласковым взглядом группу пьяных интуристов и оглянулся на Ромку:

– Давай живее, посмотрим, где они квартируют!

Метель вновь усилилась так, что в десяти метрах впереди ничего не было видно, но крепко поддатые иностранцы, спотыкаясь и падая, протоптали в снегу широкую тропу. Ромка и Яшка, перемигнувшись, пошли за ними.

Хмельная компания интуристов нестройным хороводом тянулась по извилистому проулку. Одну за другой зарубежные гости миновали три более или менее приличные гостиницы на главной поселковой улице и с прогрессирующим замедлением темпа поползли на вершину холма, totally облысевшего в результате массовой застройки. Ветер здесь был гораздо сильнее, чем внизу. Он пугающе завывал, драчливо бросался снежками и норовил коварно столкнуть тщедушного Ромку с протоптанной дорожки.

– Куда их понесло, придурков?! – не выдержал он.

Группа иностранных придурков безропотно ввлеклась сквозь метель к невидимой за пургой вершине.

– В «Маму Родную», куда ж еще! – ответил на вопрос дружка более сообразительный Яшка.

Мини-гостиницу Бори Шульца «Либер Муттер» местные жители называли на свой манер – не по-немецки, а исключительно по-нашему: «Мама Родная». И непременно с той самой сокрушенной интонацией, которая традиционно соответствует развернутой фразе: «Ой, мамочка моя родная!» и органично сочетается с тугим обхватом головы руками, дрожащими от безрадостного волнения. Заведение господина Шульца ценилось поселковыми аборигенами весьма невысоко и доброй славой в народе не пользовалось. Как, впрочем, и сам Борис Абрамович Шульц, ФИО которого в местном фольклоре было нарицательным и синонимичным таким широко известным именам, как Гобсек, Скупой Рыцарь и Кошечка Бессмертный.

– В «Маму Родную» – это плохо, – огорчился Ромка. – У Шульца стены, как в Кремле! Каменные и зубчатые!

– Да нет же, кремлевские стены у него только с трех сторон, – со знанием дела возразил Яшка. – Сзади, где участок Васьки Ласточкина, Боря только сеточку проволочную поставил. У Ласточкина-то долгостой уже третий год тянется, а дом никак выше фундамента не поднимется, потому что хозяин через две недели на третью в запой уходит и на участке своем почти не появляется. Шульц, зараза жадная, это дело просек и метр за метром потихоньку переставляет свою сеточку на чужую территорию. Скоро оттяпает половину Васькиной земли!

– Плохо Ваське, – посочувствовал Ромка.

– Зато нам хорошо, – заметил Яшка. – С Васькиного участка мы запросто заберемся к Шульцу во двор, а потом без проблем оттуда отступим.

Пронзительная трель штопором ввинтилась в ухо и выдернула мое сознание из тихого омута пьяной дремы.

– Какого черта? – вяло удивилась я, обнаружив в своих ладошках, сложенных корабликом и удобно помещенных под щеку, мобильный телефон.

Аппарат звонил безудержно и весело, как школьный колокольчик на Первое сентября. Не сразу попав подрагивающим пальцем в нужную кнопочку, я включила телефон, положила его на подушку и придавила сверху ухом.

– Татьяна, почему не докладываешь, как у вас дела? – с ходу накинулся на меня Семен Кочерыхкин.

– Чудесно, – пробормотала я.

– Что значит – чудесно? Ты накормила японцев?

Я поднесла к сонно сощуренным глазам левое запястье и сняла показания циферблата: без трех минут полночь. Самое время спросить, накормила ли я японцев! Как будто они младенцы, а я нерадивая мамаша, способная пропустить очередной сеанс кормления грудью! Мне захотелось сказать сверхзаботливому Семе много разных нехороших слов, но было лень ворочаться языком, и я пробормотала коротко и кротко:

– Они накормлены.

– А что у вас с ночлегом? – продолжал волноваться Кочерыхкин.

Он, к сожалению, мой начальник, поэтому я не могу послать его по тому маршруту, который так и не освоил фольклорный Макар с его телятами.

– Спим, – ответила я.

Снова взглянула на часы и не сумела убрать из голоса укоризненные нотки:

– Уже полчаса как спим!

– А чем же вы занимались до половины двенадцатого? – Сема без труда нашел себе новую заботу.

– Спаивали коллектив, – призналась я.

– Спаяли? – недоверчиво спросил он.

– Споили, – смущенно поправила я.

Сэм опять что-то забубнил, но тут мои силы окончательно иссякли, я поняла, что при всем уважении к вышестоящему начальству не могу продолжать разговор, и выключила телефон. К сожалению, японолюб Кочерыхкин своим неурочным звонком перебил мне сон. Поворочавшись с боку на бок, я села в постели и с чуткостью, которой было далеко до Семиной, прислушалась к своему организму. Он дал понять, что нуждается в посещении туалета. Я спустила ноги на пол – линолеум оказался холодным, как лед, и я ойкнула.

– Не спится? – поинтересовался из темного угла хриплый голос, который я в первый момент не узнала, а потому снова ойкнула и опять зарылась в одеяло.

– Это все кофе, – зевнув, сочувственно сказал Ларри Мухачев.

– Ларик! Ты почему здесь? – голосом оскорбленной добродетели вопросила стыдливая Нюня.

– Кстати, а где мы? – проснулась и моя внутренняя нахалка Тяпа.

– Амнезия? – Ларик понимающе хохотнул. – Ох, уж мне эти нежные девицы! Вылакала полбутылки коньяка – и уже склеротичка!

Я обиделась и напрягла память. Тяпа с Нюней тоже постарались. В результате совокупных усилий наш коллективный разум слегка просветлел и воссоздал ряд смутных картин в духе театра теней. Я припомнила, как в запоздалом приступе высокой гражданской ответственности организовала всей нашей компании приют и ночлег, воспользовавшись помощью любезной буфетчицы.

– Сусанны, – услужливо подсказала Нюня. – Эту милую женщину зовут Сусанна.

– Только ты называла милую Сусанну немного иначе, – тут же огорчила меня Тяпа. – Ты говорила: «Милая с усами!» Я, конечно, понимаю, что по пьяному делу можно и ослышаться, в конце концов, «Сусанна» действительно звучит очень похоже на «с усами», но зачем было спрашивать добрую женщину, не из индейского ли она племени, с таким-то именем? Это было совсем невежливо. Честно говоря, я бы на месте усатой Сусанны послала тебя еще не в такую дыру, как эта гостиница!

– «Либер Муттер», – снова подсказала памятливая Нюня. – Эта частная гостиница называется «Либер Муттер».

— То-то мне так муттерно, — пристыженно побормотала я.

Теперь я вспомнила, что усатая Сусанна по моей просьбе устроила нас на постой в мини-гостиницу какого-то своего родственника. Самого хозяина мы в поздний час не увидели, нас встретила и приютила его жена Рузанна. Не смотря на то что мы появились неожиданно и в неурочное время, Рузанна обрадовалась постояльцам. В феврале находилось очень мало желающих жить в шлакоблочной постройке, щелястые окна которой нисколько не мешали наслаждаться морским видом и морским ветром. По моей личной оценке, гостиница «Либер Муттер» соответствовала классу «одна звездочка», причем эта единственная звезда была прорезана в двери уличной уборной. Впрочем, остаться после закрытия вокзального буфета на улице было бы еще хуже.

Вообразив себе плохо организованный русско-японский бивак в заснеженных кустиках, я поежилась и поплотнее закуталась в одеяло. За окном мела метель, и далеко внизу страшные черные волны с тяжелым грохотом бухались на каменистый пляж. Гостиница заметно сотрясалась, я тоже зябко и боязливо задрожала.

— Танька, хочешь, иди со своим одеялом ко мне, — предложил Ларик. — Вдвоем будет теплее.

— Это гнусное предложение или как? — насторожилась моя Нюня. — Вообще, почему это мы с тобой в одном номере спим?

— Наверное, хозяйка решила, что мы любящая пара, — хихикнул Ларик. — Напоминаю, что у тебя заплетались ноги, поэтому на финишной прямой по коридору я нес тебя на руках. Впрочем, ты можешь произвести перемену мест слагаемых и махнуть меня на кого-нибудь из япошек, я не обижусь. Только вряд ли эти капиталисты поделятся с тобой одеялом, их-то ведь не воспитывали в духе дружбы и взаимопомощи!

В голове с тихим щелчком включилась лампочка, выставившая еще одну забытую картинку: как наша русско-японская компания делила имеющиеся в наличии места. В мини-гостинице «Либер Муттер» имелось всего пять двухместных номеров, а разместить нужно было одиннадцать человек. К счастью, Тверской-Хацумото решительно воспротивился попыткам уложить его в постель. Он поднимался с подушки, как несгибаемый Ванька-Встанька, и в итоге остался сидеть в холле под фикусом. В четырех номерах попарно разместились японцы, а в пятом устроились мы с Лариком.

С сожалением вспомнив, что наш номер расположен в глухом закоулке здания, я вздохнула и морально подготовилась к долгому путешествию. Лестница, ведущая в холл первого этажа, откуда через заднюю дверь можно было попасть во внутренний дворик с «удобствами», находилась в противоположном конце коридора.

Там было излишне прохладно и темно, только окно с парусящими на нем тюлевыми занавесками давало слабый свет. Безрадостно покосившись на стекло в красивых морозных разводах, я вдоль стеночки пошла вдаль по коридору и чудом не сверзилась с крутой лестницы. Чтобы не убиться, спускалась медленно, нашупывая невидимые в темноте ступеньки вытянутой ножкой. На внутренней лестнице шум моря слышался тише, и в паузах между громовыми ударами волн я явственно слышала чей-то голос, вернее сказать — напряженный шепот с отчетливо просительными интонациями.

— Там кто-то молится, что ли? — предположила моя благочестивая Нюня.

— Или кого-то соблазняет! — ухмыльнулась Тяпа, оценив страсть, звучавшую в иноязычной речи.

Бормотали и шептали не по-русски, иначе я не затруднилась бы с пониманием смысла жарких слов. На всякий случай я предупреждающее покашляла. Помешать молитве было не страшно, но застукать кого-то в пикантной ситуации не хотелось. Вдруг это мои подопечные интуристы развлекаются, а я испорчу им простое человеческое счастье? Сема Кочерыхкин мне голову оторвет.

Однако в холле, слабо освещенном ночником в виде настольного ядерного грибочка, сидел один Тверской-Хацумото. Кожистые листья фикуса затеняли его физиономию, так что я не сразу увидела, что глаза у Гаврика закрыты. Он то ли спал, то ли медитировал. Вообразив, что источником шепота и бормотания был Тверской-Хацумото, я обрадовалась. Мне очень хотелось, чтобы переводчик поскорее очнулся и приступил к исполнению своих прямых обязанностей. Конечно, в экстремальной ситуации и в ходе последующей интернациональной пьянки мы с моими подопечными кое-как объяснялись, но я предвидела, что на трезвую голову с взаимопониманием возникнут проблемы. Я ни бе ни ме по-японски, а проклятые самураи не знают не только русского, но даже английского! На языке Пушкина и Лермонтова с подачи общительного Ларика они успели выучить только выразительный глагол «тяпнем». Было мало надежды на то, что это сильно облегчит международные контакты за рамками питейной церемонии.

– Гаврила, ты тут как? – я потрясла переводчика за плечо.

Гавриле было никак, и он дал мне это понять с минимумом энергозатрат, просто проигнорировав вопрос, который я с разными вариациями повторила трижды. Признаться, меня это здорово разозлило, так что я не удержалась и сильно потрясла переводчика за шиворот. На это он то ли по-японски, то ли на русском матерном сквозь сжатые зубы проскрежетал что-то вроде: «Ничегоси нахренаси!» Примороженный голос Гаврилы напоминал скрип обледеневшего дерева и ничуть не походил на тот торопливый жаркий шепот, который я слышала, спускаясь по ступенькам.

– Кто же тут был? – отцепившись от Гаврилы, я огляделась, но не увидела никаких следов чужого присутствия.

– Кто сказал «мяу»? – с готовностью включилась в игру неисправимо жизнерадостная Тяпа.

Так и не найдя ответа на этот вопрос, я отодвинула засов на двери и вышла во внутренний дворик. Дверь под напором ветра захлопнулась слишком сильно, и с шиферного козырька над крыльцом мне на плечи обрушился ком снега.

– Завтра я первым пойду! – пробормотала за меня Тяпа, кстати вспомнив рекламу про полярников – фанатичных любителей растворимого кофе.

Дворик был не особенно велик, но сортир пришлось поискать, потому что все постройки изрядно засыпало снегом. Блуждая по колено в сугробах в поисках нужного мне сооружения, я продавила ногой kleenку на огородном парнике, опрокинула козлы с громоздящимися на них обрезками фанеры, ушибла колено о водоразборную колонку, сунулась в собачью будку (к счастью, она пустовала) и уронила на себя вязанку тяпок и лопат, коварно притаившихся за дверью сарая.

– Блин! Форт «Баярд» какой-то! – возмутилась Тяпа, которую почему-то заклинило на аналогиях с популярными телевизионными продуктами.

Прихрамывая и потирая лоб, на котором неожиданная встреча с древком совковой лопаты оставила ощутимый след, я отыскала будку сортира в углу двора под раскидистым деревом и воспользовалась так называемыми удобствами. После этого я испытала большое облегчение. Оно было вызвано главным образом тем, что я счастливо избежала угрозы рухнуть в пучину выгребной ямы под гнетом поваленного дерева: нависающая над будкой заснеженная яблоня так страшно скрипела и раскачивала ветвями, что можно было ждать ее обрушения с минуты на минуту. Это делало банальное посещение туалета очередным развлечением в стиле «русский экстрим».

Метель быстро зализывала следы на снегу, тем не менее у меня не возникло затруднений с поиском обратной дороги. Указывая мне путь, на крыльце маячил красный гномовский плащ. Облаченный в него раскосый индивидуум торопливо шагнул мне навстречу и с хрустом смял ногой многострадальный парник.

– Вам во-он туда, – подумав, что отважный японский турист совершает познавательную экскурсию в русскую народную уборную, я любезно указала ему направление. – Идите по моим следам.

Для пущей понятности я даже показала, как именно должен идти по тернистому пути к сортиру странствующий самурай, чтобы не подвергать опасности себя и разнообразное хозяйственное добро. Умилительно маломерный японец с готовностью пристроился ко мне в кильватер и затопал след в след, проваливаясь почти по колено там, где я утопала всего лишь по щиколотку. Я провела его до самой двери сортира, а там отступила в сторону (тут под моей ногой прощально крякнуло что-то стеклянное), сделала приглашающий жест в сторону уборной и сказала прямо-таки по-японски:

– Ходи туда!

Японец невнимательно взглянул на дверь с красноармейской символикой, вновь сфокусировал молящий взор на моем лице, склеил ладошки и на ридной японской мове произнес пламенную речь минуты на две. Этот образчик самурайского красноречия вызвал у меня чувство тревоги. Ясно было, что японцу от меня чего-то очень надо, но понять, чего именно, не представлялось возможным.

– А голос узнаешь? Тот же жаркий шепот! – заметила наблюдательная Нюня.

Вытекающее из сказанного разумное предположение, что японец хочет от меня того же самого, чего он пять минут назад хотел от Тверского-Хацумото, ситуацию нисколько не прояснило.

– Во всяком случае, маловероятно, что он просит у вас с Гаврилой любви и ласки! – успокоила меня Тяпа. – Хотя… Кто знает, не постиг ли упадок нравов и просвещенную Японию? В Таиланде, например, благодатнейшие условия для разгула сексуальных аномалий, а оттуда до Страны восходящего солнца рукой подать!

Не зная, как реагировать на монолог жаждущего неизвестно чего японца, я смотрела на него в тревожном раздумье. Помолчав с минуту, оратор возобновил свою речь. Я удрученно слушала, а Тяпа с Нюней от нечего делать затеяли ревизовать мои зачаточные знания японского и наскребли по сусекам с десяток слов.

– Камикадзе, харакири, «Мицубиси», «Тойота», «Ниссан», Хиросима, Нагасаки, якудза, суши и саке, – бойко перечислила Тяпа.

– Эдогава Рампо и Харуки Мураками, – застенчиво добавила начитанная Нюня.

Я не придумала, как в данном конкретном случае употребить этот скучный словарный запас.

– А еще анекдоты в тему есть, – не унималась Тяпа. – Говорят, что «Скорая помощь» по-японски – «кому-то херовато», а «иди отсюда» – «тусуйся тама»!

Мы вернулись в дом, не потревожив покой безмятежно медитирующего Гаврилы. С прискорбием взглянув на отсутствующего переводчика, японец вновь захныкал. Мне все больше хотелось сказать ему что-нибудь вроде «тусуйся тама!» и укрыться от неразрешимых проблем межнационального общения в своем номере, в обществе соплеменного мне Ларика Мухачева.

– Нельзя же так! – укорила меня Нюня. – Недопустимо бросать человека в беде!

В том, что у японского человека случилась настоящая беда, если вообще не трагедия, я уже не сомневалась.

– Да и Сэм велел расстараться, чтобы все японцы были довольны и счастливы! – напомнила Тяпа.

Я затравленно огляделась, заметила под локтем Тверского-Хацумото початую бутылку и кстати вспомнила волшебное слово:

– Тяпнем?

– Тяп-ням, тяп-ням! – согласно замяукал японец.

Спиртное если не стерло, то слегла размыло языковой барьер. После первой же рюмки сквозь него успешно просочилось слово, которое я умудрилась понять. Надо признать, слово было очень неожиданное: «кабан»!

– Кабан? Кабан? – не скрывая удивления, повторила я и жестами обрисовала в воздухе классические габариты хорошо упитанного малороссийского хряка.

– Кабан, кабан! – возликовал японец и повторил мою пантомиму, изобразив свинью поменьше.

Подумав, я списала это несоответствие на разницу в наших с ним собственных габаритах. Я-то ведь гораздо крупнее этого потомка самураев, так? Вполне нормально, если и японские кабаны мельче российских. Я другого не понимала: почему мой зарубежный собутыльник вообще затеял разговор, предметом которого стал незнакомый мне самец свиньи? Согласна, я не сказочная красавица, никогда прежде галантные кавалеры из числа граждан всея Руси не услаждали мой слух полночными серенадами, и рассчитывать на то, что случайный японец изменит эту огорчительную традицию, было глупо. Однако, что ни говори, нужно быть очень своеобразной личностью, чтобы в первом часу ночи в чужой стране сквозь снежную бурю бежать на поиски девушки, с которой можно душевно поговорить о кабанах! И ладно бы хрюшками живо интересовался какой-нибудь датчанин, у них там свиноводство – занятие почетное, сам принц не чурается тетешкаться с поросятами, но японцу-то какое дело до русских свинтусов?!

Впрочем, я слышала про зарубежных чудаков, которые держат в своих шикарных домах хорошеных розовых поросят в бриллиантовых ошейниках – не в расчете на будущие антре-коты, а просто так, из бескорыстной (не гастрономического свойства) любви к животным. Эта оригинальная европейская мода вполне могла докатиться и до тихоокеанского региона.

– Так, может, данный господин привез с собой любимого четвероногого друга из Японии, а на обширных кубанских просторах потерял его? – предположила моя Нюня.

– Точно! – встрепенулась Тяпа. – По восточному календарю как раз наступает год свиньи! Возможно, японская делегация привезла с собой живой символ Нового года!

– Зачем? – не поняла я.

– Да мало ли зачем! – понесло фантазерку Тяпу. – Может, японские гости хотели вручить хрюкающий талисман нашему губернатору? Но презентационный кабан взял и сбежал, а этот милый человек убивается, потому что нес за неблагодарную свинью моральную и материальную ответственность!

Я с сомнением взглянула на милого японского человека и вздохнула. Видно было, что морально-материальная ответственность тяготит его чрезвычайно. Желая разобраться в происходящем, я вытянула из кармана мобильник и позвонила Семену.

– Мистер Кочерыхкин! – с великолепным оксфордским прононсом отрекомендовался Сэм по-английски.

Это означало, что он пьян, как сапожник. Я поняла, что Сема снимает стресс по той же самой народной методе, которую вчера вечером вполне успешно практиковала наша маленькая русско-японская компания.

– Сэм, это я, Татьяна! – с нажимом произнесла я, обоснованно опасаясь, что крепко поддатый Сэм на родную речь перейти не захочет. В пьяном виде он норовит перебрать все более или менее известные ему европейские языки. – Скажи, пожалуйста, у японцев в автобусе был кабан или поросенок – хоть какая-нибудь свинья?

– Айне майнे кляйне швайне вдоль по штрассе побежал! – с чувством продекламировал Кочерыхкин на корявом немецком.

– Поросенок сбежал по дороге? – перевела я.

– Уи! – полиглот согласно всхрюкнул по-французски и отключился.

Я спрятала телефон и посмотрела на японца, огорчительно приверженного исключительно языку предков.

– Тяпнем! – от нечего делать вновь предложила я, надеясь, что второй дринк хоть немного уменьшит брешь в языковом барьере.

Мы снова тяпнули, и я выучила еще одно японское слово. Им стало имя моего нового друга: Чихара. Он, в свою очередь, тоже начал называть меня по имени, очень красиво и уважительно: Таня-сан. К сожалению, животрепещущую кабанью тему это никак не прояснило, а бутылка с волшебным элексиром, заметно усиливающим лингвистические способности, уже опустела.

– Вот свинство! – в сердцах воскликнула моя Тяпа.

Шоу продолжалось. Хмельной японец выразительными жестами показывал, как он берет на руки вожделенного кабанчика и любовно прижимает его к сердцу. Раскосые глаза-рыбки наполнились слезами. Видно было, что Чихара-сан неподдельно страдает в разлуке со своим дорогим кабаном и жаждет воссоединиться с ним как можно скорее. Я вспомнила строгий наказ Кочерыхкина под угрозой увольнения без выходного пособия обеспечить подшефным японцам непреходящее состояние довольства и счастья и внутренне мобилизовалась.

– Если японцу нужен кабан – надо дать ему кабана, и все дела! – по-военному кратко и решительно высказалась моя Тяпа. – Даже если в идеале речь идет о какой-то конкретной кабаньей личности, думаю, на худой конец сойдет первый попавшийся самец копытного с пятаком. Так сказать, любое лицо свинячьей национальности. Не будет же Чихара разговаривать с ним по-японски?

Я сердобольно погладила хнычущего Чихару по костлявому плечику и экспромтом исполнила оригинальный мимический этюд «Возвращение блудного кабана»: встала на цыпочки, приставила к глазам ладонь, поозиралась по сторонам, высмотрела на местности прячущегося хряка, схватила его и торжественно вручила Чихаре. Символическую роль кабана в этой талантливой миниатюре убедительно исполнили мои ключи на колечке с брелоком из тисненой свиной кожи. Нежно погладив этот маленький фрагмент коричневой кабаньей шкуры, японец частыми кивками дал понять, что всецело одобряет и приветствует мои намерения. Убедившись в этом, я отняла у него ключи и пошла к себе в номер. Для организации грядущей охоты на кабана имело смысл заручиться помощью сильного мужчины.

То есть я хотела уйти, уже шагнула в коридор, но оглянулась на Чихару и поняла, что должна вернуться.

Мой японский друг стоял посреди холла, раскачиваясь, как березка на ветру. Он трепетно взмахивал ручками-веточками и шелестел тихим смехом, уважительных причин для которого я не видела. После двух стопок коньяка беднягу японца развезло так, как уважающий себя русский мужик окосел бы от пары бутылок. Это отчасти листило национальной гордости великороссов, однако я все-таки почувствовала себя виноватой. Надо же, споила доверчивого иностранца! А ведь знала, что эскимосы, например, очень легко поддаются воздействию алкоголя, у них организмы какие-то особенные, с другой химией, нежели у нас.

– Точно, – мрачно поддакнула моя Тяпа. – На среднестатистического эскимоса этот парень похож гораздо больше, чем на рядового русского богатыря!

– Чихара, друг мой! Обопритесь на меня! – я вернулась к японцу, чтобы подставить бедняге свое плечо, но вынуждена была оказать ему более существенную помощь.

– Таня-сан! – растроганно скрипнул Чихара и подкопанным столбиком повалился в мои объятия.

Тут я искренне порадовалась, что мой новый друг не дорос до габаритов Ильи Муромца, потому что я тоже не Святогор-богатырь и тяжести свыше пятидесяти кило без автопогрузочной техники перемещать не могу. Японец весил как раз около полусентнера. Я подхватила его под мышки и поволокла к лестнице. Чихара мне никак не помогал, но и не мешал, пассивно

влекся по маршруту и молчал в тряпочку желтенького плисового шарфика. Ноги его волоклись по полу раздвоенным рыбьим хвостом, каблучки маломерных ботинок сбивали в крупные складки плещивую ковровую дорожку.

На первых же ступеньках крутой лестницы я с огорчением установила, что моя реальная грузоподъемность существенно меньше пятидесяти килограммов.

– Рыбонька моя, может, ты тут поспишишь, на коврике? – предложила я снуому японцу, но сама тут же устыдилась сказанного.

У Тяпы моей совести не было вовсе:

– Вздерни его! – кровожадно посоветовала она.

– Куда?! – ужаснулась Нюня.

– Ну не на рею же! – рассердилась Тяпа. – На перила!

– Спасибо, это мысль! – я с благодарностью приняла рационализаторское предложение.

Вздернула безразличного японца на наклонную плоскость гладко отполированного деревянного бруса и потащила его вверх, как волокушу по накатанному санному пути. До второго этажа мы добрались быстро и весело, а там я самоотверженно подхватила пьяное японское тело на руки и с ускорением зашагала в сторону того единственного номера, дверь которого была гостеприимно приоткрыта. Я не знала, в этом ли конкретном номере расквартирован мой пьяный приятель, но считала лишним обращать внимание на данное незначительное обстоятельство. Если что, на полуторной кровати запросто поместятся и два таких Чихары, в тесноте, да не в обиде!

Печально поскрипывая, открытая дверь покачивалась на сквозняке. Я приостановилась, прикидывая, как бы мне полече проскользнуть в проем в момент максимального его расширения. Посапывающий Чихара привольно раскинулся на моих руках, пришлось прихватить его поудобнее и уложить покомпактнее. Я с материнской заботой (Сэм был бы мною доволен!) пристроила голову японского питомца на своем плече, осторожно развернулась на исходной позиции, и в этот момент меня ослепила вспышка.

В первый момент я подумала, будто это сверкнула молния за окном, и только удивилась, что зимняя буря неожиданно сменилась классической майской грозой. После вспышки темнота коридора стала совершенно непроглядной, но я явственно услышала звук торопливо удаляющихся шагов, и это помогло понять: не было никакой молнии! Меня ослепила фотовспышка!

Я стояла у открытой двери гостиничного номера, как младенца, прижимая к груди малоизвестного японца, и в этот пикантный момент никак не ожидала стать объектом интереса папарацци.

– Боже! Что скажет мама! – жалобно пискнула Нюня, мигом вообразив, как живописно мы с господином Чихарой будем смотреться на газетной фотографии с разудалой подписью «Русские интердевочки носят своих клиентов на руках!».

Моей милой мамочке и моему строгому папочке один взгляд на такой шокирующий снимок грозил сердечным приступом. Я остолбенела в растерянности. Задремавший Чихара, напротив, внезапно пробудился, вывалился из моих материнских объятий и поступью пропойцы – морячка, опаздывающего к отплытию родного пиратского брига, ринулся по коридору вдогонку за неизвестным любителем ночной фотоохоты.

– Стой! – крикнула я, сама не зная кому.

– Да не стой! Наоборот, беги! – прикрикнула на меня деятельная Тяпа.

Робкая Нюнечка предавалась отчаянию, оплакивая мою погибшую репутацию, но я проявила мужество и удержалась от того, чтобы составить ей компанию. Тяпа была права: мне следовало, пока не поздно, спасать себя от позора, а родителей от инфаркта.

– А ну стой!

Я взревела с повышением децибелов и тройным прыжком без разбега настигла Чихару, который старательно, но недостаточно быстро вырисовывал заплетающимися ножками по ковровой дорожке тугую спиральку. Худосочного японца ветром отнесло в сторону и приложило о стену. Краем глаза я увидела, что Чихара падает, но на сей раз не стала его ловить, помчалась дальше, торопясь догнать наглого папараazzi.

Впереди, на лестнице, слышался дробный топот: преследуемый в ритме чечетки перебирал ногами ступеньки. Я поступила хитрее и второй раз за ночь использовала не по прямому назначению лестничные перила. Запрыгнула на брус бочком, как благовоспитанная английская наездница в дамское седло, и поехала вниз, с ветерком и со свистом, быстро усилившимся почти до реактивного.

Темная фигура убегающего человека вырисовывалась на фоне слабо освещенного холла подвижной чернильной кляксой. Невысокий, юркий, с ног до головы затянутый в черное, папараazzi был похож на чертенка-тинейджера, и я сообщила ему об этом сердитым криком:

– Ах ты, бисова душа!

В следующий момент адское создание запнулось о крупную складку ковровой дорожки и со всего маху ухнуло на пол, а его фотоаппарат укатился под фикус. У меня появился повод для ликования, но я не использовала его, потому что секундой позже споткнулась о ту же самую коварную складку и тоже полетела лицом вниз. С учетом развитой мною скорости приземление могло быть катастрофическим, ибо лобового столкновения с твердыми дубовыми досками пола я могла и не пережить. К счастью, моя верхняя половина очень удачно попала на нижнюю половину типа, упавшего чуть раньше, и чужое тело сыграло роль амортизационной подушки. При ударе я слегка прикусила язык и плаксиво замычала, но придавленному мной папараazzi явно пришлось хуже: его вскрик выдал неподдельную боль. Тем не менее черный человек с упорством, достойным настоящего исчадия ада, пытался подняться. Он дергался и сумел сбросить меня со своей спины. Спасаясь от частых ударов ногами, я перевернулась на бок, и тут у меня закружилась голова, в ушах зазвенело, а во рту появился кислый металлический привкус. Алкогольное опьянение, стресс и физическое потрясение от неожиданного падения – все эти отрицательные факторы объединились, чтобы сработать против меня. Я поняла, что сейчас отключусь, почувствовала, что тону в темном омуте, и инстинктивно схватилась за то, что оказалось у меня под рукой.

Под рукой у меня оказалась чужая нога. Я мертвой хваткой вцепилась в щиколотку упрямо поднимающегося папараazzi, успела заметить, что носок в промежутке между черной штаниной и черным башмаком тоже черный, потом услышала противный хрустящий звук...

Черная фигура качнулась, уходя вперед. Писклявые черные мушки, атакующие мое зрение и слух, стройным клином ринулись в крутую пике, и, уже балансируя на грани обморока, я осознала, что победоносно размахиваю оторванной человеческой ногой.

Глава 6

Владелец частной мини-гостиницы «Либер Муттер» Боря Шульц сел в постели и попытался понять, что за звуки его разбудили. Для этого он выпростал из-под трикотажного ночного колпака в патриотичную красно-бело-синюю полосочку одно помятое пухлое ухо, похожее на вчерашний оладушек, и скосил глаза на спящую рядом жену Рузанну.

Рузанна по своей природе являлась неиссякаемым источником звуков, условно подразделяемых на две категории: болтовню и храп. Тихой и молчаливой госпожа Шульц не бывала никогда. Чтобы добиться непрерывного звучания, она посменно задействовала рот и нос. Бодрствуя, Рузанна оглушала мужа эмоциональными речами с неисправимым армянским акцентом, а во сне она тревожно храпела в кварту, как осипшая сирена «Скорой помощи». Впрочем, за двадцать лет супружеской жизни Боря Шульц к этим звукам привык и спал под выдающийся храп Рузанны безмятежным сном младенца, чистого душой и телом.

– Х-р-р-р-ру? – набирая воздух в грудь, озабоченно вывела госпожа Шульц.

Под просторным стеганым одеялом дородная супруга Бори вздымалась величественно, как холмы Голливуда. На вдохе курганы поднимались выше, и в носовой руладе Рузанны звучала великая тревога за судьбы мира. На выдохе горы мелко сотрясались и оседали, а штормовой храп замирал до штиля. Боря чутко ждал этого момента и в наступившей непродолжительной тишине явственно услышал в глубине дома стук-хлопок.

– Опять эти люди бросили открытой входную дверь! – недовольно заворчал Боря, вылезая из кровати. – И это в такой мороз! Ой, я не знаю, что это будет! Эти люди разорят Борю Шульца! Они таки допросятся, что Боря Шульц включит в стоимость их проживания дополнительный счет за отопление!

По правде говоря, Боря Шульц и так уже умножил сумму счета на три, сдав номера неожиданным постояльцам по расценкам самого что ни на есть высокого сезона. Благо ответственная номеросъемщица Татьяна – симпатичная молодая женщина с приятно пухлым кошельком – была сильно нетрезва и потому говорчива. Однако это никак не могло помешать Боре Шульцу еще немного увеличить свою прибыль за счет гостей, возмутительно разбазаривающих живительное тепло отапливаемого помещения.

Есть гении, способные перемножать в уме трехзначные числа и с легкостью извлекать из них квадратный корень. Боря Шульц столь же гениально умножал свои капиталы, изначально весьма скромные, и извлекал из чего угодно солидную прибыль. Его дальний предок по отцовской линии, несомненно, был из той самой туристической группы, которую гид по имени Моисей сорок лет водил по эксклюзивному маршруту «Золотое кольцо пустыни». Боря Шульц избрал свой собственный путь в обетованную землю и совершил его неторопливо и основательно. Он давным-давно мог уехать в Израиль или в Германию, но предпочитал до поры до времени экономно жить и успешно работать в России, в захолустном приморском поселке, каменистый пляж которого был отличной почвой для инвестиций. Удалиться от дел на ПМЖ в дальние края он планировал после шестидесяти. А к пятидесяти годам господин Шульц имел в активе собственный магазинчик курортных товаров, два кафе-бистро, одну пирожковую и три мини-гостиницы, в первом этаже наихудшей из которых проживал он сам. В пассиве числились запущенная язвенная болезнь желудка и жена Рузанна, тоже язва, каких поискать.

Рузанна, которая в восемнадцать лет была хороша, как розовый бутон, к сорока восьми стала гораздо больше похожа на растрепанный капустный кочан. В сочетании с трубным слоновьим храпом это сильно уменьшило ее женскую привлекательность в глазах супруга, и без того не слишком большого любителя интимных процессов. Боре Шульцу и помимо секса было, чем озабочиться! К несчастью, Рузанна – наполовину армянка – от природы была натурой очень

страстной. Пылкая и ревнивая, она подозревала своего хладнокровного супруга в неверности и не стеснялась за ним следить.

Едва Боря Шульц в своей ветхой байковой пижаме с символикой Гаванского фестиваля молодежи одна тысяча девятьсот какого-то года, очень похожий на помесь вечного студента с еще более Вечным Жидом, просочился из супружеской спальни, Рузанна Шульц перестала старательно храпеть и отбросила в сторону одеяло. Она сунула ноги в тапки, заправила за ухо размотавшуюся прядь волос с болтающейся на ее кончике алюминиевой бигудиной и надела на нос очки. Подготовив таким образом слух и зрение к восприятию воображаемых шокирующих картин, Рузанна тихо-тихо, чтобы не скрипнула ни одна половица, двинулась вслед за неверным мужем.

Пережидая, пока постояльцы-интуристы определятся в номера и отправятся на боковую, Ромка и Яков сидели на участке Ласточкина в заснеженном окопчике незаконченной траншеи. Худосочный Ромка замерз и не выдержал, полез к Шульцу раньше времени.

Мостом для перехода с одного участка на другой стала старая дикая яблоня, исторически уходящая корнями в исконную землю запойного Василия Ласточкина. Захватчик Шульц со своим переносным забором уже подобрался к этому могучему дереву вплотную, но спилить его все не решался, ибо это было бы равносильно открытому объявлению войны. В результате раскидистые ветви яблони протянулись далеко в глубь собственной Бориной территории.

Ромка без труда забрался на лукоморскую яблоню, с удобством прошел по толстой горизонтальной ветви, но вынужден был залечь в развилке, потому что из дома во двор неожиданно вывалилась какая-то растрепанная девица. Судя по тому, что она несообразно месту и погоде вырядилась в деловой костюмчик, девица была не местная. Впрочем, на заморскую принцессу она тоже не тянула, так как имела самую заурядную российскую наружность: скуластое лицо с курносым носом, круглые карие глазки, средней густоты русые волосики и фигуру с параметрами, весьма далекими от модельных. Ромка решил, что эта барышня – экскурсовод или переводчица. Скорее все-таки переводчица, потому что экскурсоводов, в качестве которых в местном турбюро подрабатывали энергичные горластые тетки с высшим педагогическим образованием, Ромка навидался. Экскурсоводы – народ опытный, считай – туристы высшей спортивной категории, они знают толк в экипировке и не надевают в поездки кружевные блузки и легко мнущиеся шерстяные костюмчики.

Отчаянно зевая, дрожа и страстно обнимая себя за плечи, девица в помятом брючном костюме пробралась по сугробам к дощатому сортиру под яблоней. Там она весело пожурчала (Ромка благовоспитанно отвернулся и притворился глухим) и снова убралась в дом, громко стуча зубами и бессмысленно кутая озябшие руки в торчащие из рукавов кургурого пиджачка пышные кружевные манжеты.

Выждав еще минут десять, Ромка спелым яблоком свалился с ветки и двинулся к дому. Бестолковая краля в костюмчике, спасибо ей, не заперла заднюю дверь. Подобравшись к ней, Ромка камбалой распластался по стене и одним глазом заглянул в щелочку.

За дверью был маленький холл, слабо освещенный карликовым подобием торшера, в который экономный Боря Шульц вкрутил тусклую лампочку ватт на двадцать, не больше. Вообще, в этом помещении преобладали малые формы: маленький диванчик преклонных лет (вероятно, детское ложе юного Бори Шульца), древний маленький столик и маленькая тумбочка из того же престарелого мебельного гарнитура, а на тумбочке – маленький переносной телевизор. Аппарат был выключен, но Ромка не сомневался, что он черно-белый, времен зари автомобильного телевидения. Крупных предметов в холле было всего два: большой роскошный фикус в грубо сколоченной деревянной кадке и уже знакомый приятелям мужик в «Коламбии» и «Камелотах». Мужик сидел на диване и спал, а во всех смыслах добрый фикус заботливо затенял его румяную физиономию.

Ромка неслышно потянул на себя дверь, пригнувшись, скользнул в проем и в полуприседе подобрался к спящему, на всякий случай стараясь держаться в тени раскидистого фикуса. Кто-то из тех ограниченно добрых людей, которые устроили мужика на ночлег в холле, заранее расстегнул на спящем теплую куртку, и это сильно облегчило Ромке доступ к карманам его пиджака.

В карманах нашлись ключи, цифровой плеер, почти новый мобильник, флэш-карта на веревочке, пластинка «Но-шпы», леденцы для освежения дыхания и пачка визитных карточек на имя Гавриила Мисимовича Тверского-Хацумото, переводчика торгово-промышленной палаты. Стало ясно, что растрепанная девица в мятых брючках не только не экскурсовод, но и не переводчица.

— А кто же она? — перекладывая из чужих карманов в свои собственные все, кроме таблеток и ключей, задумался Ромка, которому тургеневская барышня в кружавчиках, в общем-то, понравилась.

Окружающая действительность отзывалась на его голос неожиданно громкими звуками, в которых испуганный карманник распознал топот не одной пары ног. Шум шел со стороны лестницы и быстро приближался. Побоявшись, что он не успеет удрать, Ромка забился в темный угол и затаился там под прикрытием спасительного фикуса.

Стараясь стать как можно менее заметным, он свернулся в три погибели и полностью спрятался за деревянной кадкой. Высунуться было страшно, поэтому Ромка и не видел, кто бежит, кто кричит, кто падает... Он увидел только небольшой предмет, который самопроизвольно закатился под сень фикуса и тихо стукнулся о кадку.

На первый взгляд предмет напоминал небольшой, почти плоский серебряный брускок, но при столкновении с кадкой из металла выдвинулся объектив с линзой, после чего даже дурак понял бы, что перед ним фотоаппарат. Ромка дураком не был. Он сообразил, что вешица в его подфикусовое укрытие прилетела дорогая, и приготовился к тому, что владелец фотоаппарата сейчас же полезет за кадку в поисках своего ценного имущества. Стало ясно, что отсидеться в тихом темном уголке не удастся, придется прорываться к двери с боем. Ромка решил, что будет уносить не только ноги, но и все возможные трофеи. Он сцепил фотоаппарат, выскоцил из-за фикуса и зайцем метнулся к выходу, ожидая услышать за спиной истощенный крик «Держи вора!» или его аналог на чужом языке.

Криков не было. Осознав это, Ромка уже на пороге рискнул оглянуться и увидел довольно странную картину.

На плешивой ковровой дорожке посреди холла лежал лицом вниз человек в черной одежде, а на нем — и тоже лицом вниз — давешняя лохматая дивчина в нездешнем наряде. Ромка узнал ее по помятому джерси и кружевным манжетам, которые воздушной пеной накрыли пальчики, крепко вцепившиеся в ноги типа в черном. Странная парочка слабо ворочалась, кто-то постанывал, но погони в ближайшее время можно было не ждать, это Ромка понял. Однако медлить он все-таки не стал и канул в ночь без задержки и последнего «прости-прощай!».

Боря Шульц шел по коридору первого этажа, недовольно ворча и шумно шаркая тапками. Попысевшие от старости меховые кролики, украшающие домашнюю обувь Бори, гневно тряслись, словно выражая солидарность с рассерженным хозяином. Скомканную и сбитую в сторону ковровую дорожку Боря увидел еще до того, как вывернулся в холл, после чего его ворчание превратилось в тосклиwyй стон. Эту красную дорожку Боря совсем недорого купил на распродаже списанного имущества райкома КПСС каких-то пятнадцать лет назад и, в отличие от избалованных партийцев, очень ею дорожил. После обработки губкой с пятновыводителем дорожка совсем неплохо смотрелась на ступеньках Бориной кафешки, которая принимала заказы на проведение торжественных свадебных ужинов. Кроме того, иногда Боря использовал данное ковровое изделие для личных нужд. Красная дорожка уже каталась в кузове ката-

фалка, увлекшего к месту последнего приюта престарелых родственников самого господина Шульца, и Боря не терял надежды увидеть однажды на этом ворсистом пурпуре гроб ограниченно любимой тещи.

– Нет, вы посмотрите на это безобразие! – безадресно воззвал расстроенный Борис Абрамович, наклоняясь, чтобы заботливо поправить скомканное покрытие.

В холл он вырвали пригнувшись и потому не сразу заметил тело, раскинувшееся на коврике.

– Боже ж ты мой! Я не понял, это что такое?!

«Это» при ближайшем рассмотрении оказалось молодой женщиной в мятых брючках с задравшимися до колен штанинами, расхристанном пиджачке и кружевной блузке с оборванными пуговками. Взглянув на атласный бюстгалтер приятного кремового цвета и таких же приятных очертаний, Борис Абрамович смущенно кашлянул и поспешил прикрыть очаровательное неглиже полами короткого пиджака, старательно и неловко сложив их конвертом на фронтальной части дамы. Только после этого он участливо спросил:

– Деточка, что с вами?

Та ничего не ответила, и Борис Абрамович энергично обмахнул ее бледное лицо большиным и жестко-скрипучим, как одноразовая пластмассовая тарелка, листом фикуса, пожалев, впрочем, обрывать его с ветки. Деточка отреагировала на дуновение свежего воздуха слабым бормотанием, и обрадованный Борис Абрамович в порыве человеколюбия едва не обрушил на барышню кадку с содержащимся в ней фикусом, временно переведенным в разряд ручных ветрогенераторов. Фикус, не рассчитанный на продолжительную работу в качестве вентилятора, протестующее заскрипел. Боря опомнился, выпустил кожистый лист и поволок полу живую деву к приоткрытой двери, из щели которой тянуло совершенно бесплатным и при этом в высшей степени бодрящим ветром. Поскольку острыми каблучками сапожек беззыянная красавица могла травмировать пресловутую красную дорожку, Боря, поднатужившись, взял деву на руки.

Именно в этот момент в холл вышла Рузанна Шульц. Она обожгла супруга, прижимающего к груди обмякшую девицу в распахнувшейся блузке, пламенным взором из-под бровей, сведенных гусиным клином, всплеснула руками и с чувством вскричала:

– Вай ме! Вай! – что означало, как было известно Боре, «горе мне, горе!».

Далее последовала длинная эмоциональная тирада на армянском языке, которого Борис Абрамович вообще-то не знал, что нисколько не помешало ему уловить общий смысл сказанного. Понимание здорово облегчили русские народные ругательства, во множестве пущенные по канве чужого наречия.

– Рузочка, ты не подумай, я ничего! – залопотал Боря, испуганный угрозой, явственно прозвучавшей в голосе ревнивой супруги. – Я пришел, вижу – этой девушке плохо...

– А ты хочешь, чтобы этой девушке было хорошо, да? – с сарказмом спросила Рузанна, сопя, как разъяренный бык в предвкушении доброй корриды. – А ну, брось эту дрянь!

Борис Абрамович послушно уронил дрянь на своих тапочных кроликов, которые отчасти смягчили удар, однако девица все-таки охнула и тут же заворочалась, приходя в себя.

– Я убью тебя! – убедительно сказала Рузанна оробевшему Борису и нагнулась за пустой коньячной бутылкой, забытой кем-то на деревянном подлокотнике дивана.

Шульц, успевший пошире распахнуть наружную дверь, проворно присел и пропустил свистнувшую стеклотару над своей головой. В ответ из темноты дунуло холодным ветром, полным колких ледышек, и теплолюбивый Борис Абрамович раздумал спасаться бегством в заснеженный двор.

– Рузочка, я тебе все объясню! Рузочка, ты только не волнуйся! – взмолился он, по сложной кривой в обход фикуса, дивана и – главное – сильно взъерошенной супруги убегая в коридор.

– Зачем только я вышла за тебя замуж?! – запальчиво выкрикнула ему вслед Рузанна. – Где была моя голова?!

– А где была твоя голова? Я просто взял девушки на руки!

– Я видела, где были твои руки! – с горечью ответила Рузанна.

– Ну, и где? Где были мои руки? – заспорил осмелевший Борис Абрамович из глубины коридора.

– А где его нога? – очнувшаяся девица, тупо похлопав глазами, неожиданно тоже включилась в ревизию чьих-то органов.

– Вай, как не стыдно! – распаленная Рузанна с готовностью перенесла свой гнев на постороннюю негодяйку. – Посмотри на себя, девушка, в каком ты виде! У тебя папа, мама есть? Что они скажут?

Девица глянула на себя сверху вниз, живо представила, что сказали бы папа и мама, ойкнула и запахнула блузку.

– Иди отсюда, пока я добрая! – посоветовала ей Рузанна.

– Иду, – кротко согласилась девица и, пошатываясь, пошла к лестнице, но по дороге зачем-то сделала крюк и пытливо заглянула сначала за кадку с фикусом, а потом под диван.

Ничего интересного для себя она там не нашла и уныло поплелась на второй этаж. Приводив безнравственную молодую особу суровым взглядом, Рузанна Шульц плотно прикрыла и заперла на задвижку наружную дверь, по-хозяйски поправила многострадальную ковровую дорожку и экономно выключила бра на стене, рассудив, что спящему на диване гостю освещение только мешает.

Когда заиндевевшее окошко остекленной двери потемнело, из сугроба посреди заснеженного двора, кряхтя и охая, с трудом восстал человек в черной одежде. Потирая плечо, сильно ушибленное шальной коньячной бутылкой, и тихо ругаясь на чужеземном наречье, он осторожно поднялся на крыльце и потянул на себя дверь. Она не поддалась. Черный человек выругался громче, страстно подышал на стекло, потер его рукавом и заглянул в недоступное помещение. Смысла в этом действии не было никакого: в холле было темным-темно. Человек безрезульятно подергал дверь, всплеснул руками и то ли хихикнул, то ли всхлипнул. Черствую дверь это нисколько не тронуло. Постояв в раздумье несколько секунд, человек сошел с крыльца, выступил на середину двора и из-под ладони, приставленной ко лбу для защиты от мельтешащих снежинок, внимательно оглядел вереницу окон. На первом этаже все они были забраны решетками. На втором решетки отсутствовали.

Пока человек в черном осматривал окна, одно из них со стуком распахнулось и тут же ярко осветилось. На секунду в открытый проем тугим парусом выдуло тюлевую занавеску, потом светлый пузырь опал и втянулся внутрь. Створка окна медленно подвинулась к раме.

Человек в черной одежде, уже густо припорошенной снегом, сокрушенno цокнул языком и молитвенно сложил ладони. Очевидно, его горячая просьба была услышана небесами: окно не захлопнулось, а свет в нем вскоре погас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.